

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2007

Содержание

1. ЭРМИТАЖ ОСМОТРЕН, ЗАМЕЧАНИЙ НЕТ
2. ПАЛОМНИК
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. НАШ ДРУГ ЕЛЬЦИН
5. ЧЕМ БОЛЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ
6. МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
7. ИЗ КНИГИ «ПОЭМА ОТЪЕЗДА»
8. ПОЭЗИЯ БОЛИ
9. РУССКИЕ ДЕЛАЮТ КАРЬЕРУ В ПОЛЬСКОМ ТЕАТРЕ
10. РЕПАТРИАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ЭРМИТАЖ ОСМОТРЕН, ЗАМЕЧАНИЙ НЕТ

Юлии и Андрею, моим рязанским друзьям

Бессмертный Веничка писал когда-то:

“Почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, а как очищается политура – это всякий знает”.

Применительно к данной статье этот остроумный социологический диагноз следовало бы сформулировать так:

“Почему-то никто в Польше не знает стихотворения Семена Гудзенко „Перед атакой”^[1], зато пикантные подробности супружеской жизни автора „Охоты на волков” с Мариной Влади – знают все”.

И эта парафраза вобрала в себя в принципе почти всё, что можно было бы написать о восприятии русских бардов польской аудиторией. Ибо чрезвычайно редко знанию текстов и авторского исполнения произведений сопутствовало знание тех сфер русской культуры, к которым обращались создатели песен.

Такое утверждение справедливо в отношении всех трех сфер распространения, в которых в Польше второй половине XX века функционировало то, что в России называли “авторской самодеятельной песней”^[2]. Наше рассмотрение следовало бы начать с обозначения этих сфер, а далее рассмотреть каждую подробнее. Я намерен посвятить больше всего внимания первой из них, так как убежден, что российской аудитории она по сей день практически неизвестна.

1. Неформальная сфера распространения – в принципе не появлявшаяся ни в каких официальных СМИ. Ее “эмиссары” принадлежали к двум разным кругам: к тем, кто по амнистии вернулся в Польшу из ссылки или лагеря, и к тем, кто в 1950–1970 годы учился в советских вузах или находился в СССР по работе. Сохранившаяся в их памяти или – уже позднее – нелегально привезенная в Польшу в виде “магнитиздата” лагерная и авторская песня оказала немалое влияние на формирование эстетики (и этики) создателей и участников

широко понимаемой, в Польше никогда до конца не покоренной государством студенческой и молодежной культуры, которая вобрала в себя и харцерские песни, и студенческие кабаре, и так называемую туристскую песню. В неофициальную сферу входили и распространявшиеся в Польше оригиналы и переводы песен русских бардов, включая магнитные записи.

Следует заметить, что в этой сфере увлечение русской авторской песней было вызвано прежде всего эстетическими соображениями, а не погоней за сенсацией, сплетней или модой.

2. Популярная сфера распространения – под этим я понимаю всевозможное “официальное” появление русской авторской песни в государственных СМИ: статьи, посвященные жизни и творчеству отдельных бардов, публикация текстов и переводов, издание пластинок и магнитофонных кассет с записями этих песен, радиопередачи и телетрансляции концертов русских и польских исполнителей и даже книги, такие как “Прерванный полет” Марины Влади или воспоминания о Высоцком польского актера Даниэля Ольбрыхского. Творчество российских бардов функционирует в этой сфере – за незначительными исключениями – по такому же принципу, как продукты поп-культуры.

3. Научная сфера – самая закрытая, охватывающая узкий круг тех, кому – ввиду их интересов (и профессии) в области русистики, литературоведения и социологии – случается посвящать часть своих исследований изучению самых разных аспектов русской авторской песни. Характер и масштаб этих исследований тоже в значительной степени был и остается обусловлен самой разной политической и художественной конъюнктурой.

* * *

<На могиле друга – ни одной слезы.

<Лучше нет людей, чем колымские псы...

<Из романа Ежи Йохимека “Колымские псы”

Ритм и масштаб “польских возвращений на родину” из лагерей и мест ссылки были обусловлены с середины 40 х и в 50 е годы минувшего столетия несколькими объявленными советской властью амнистиями. Тех, кто возвращался “оттуда” в Польшу, ожидала действительность, в корне отличавшаяся от того, что

сохранила их память. Схваченные в стране, сражавшейся за свободу, они возвращались на родину, подвергшуюся колонизации. Парадоксально, но найти свое место в “новой” Польше им помогли навыки и рефлекс, приобретенные “на бесчеловечной земле”, как определил сталинскую действительность Юзеф Чапский в названии своей книги. Ибо – и там, и тут – это был мир, где нельзя было позволить себе единства мыслей, слов и поступков. Даже перед самыми близкими. И тут, и там власть буквально на каждом шагу напоминала непокорным зловещую сентенцию: “Кто не был, тот будет, кто был – не забудет”.

Однако кое-кто из возвращавшихся осмеливался делиться своей памятью с близкими. И в ней сохранились не только картины кошмара, ужаса, сознания собственной растленности и превращения в вещь. В этих воспоминаниях появлялись и моменты восхищения красотой русской природы, людьми, элементами культуры и фольклора. В том числе – лагерной и блатной песней. Естественно, это восхищение смешивалось со страхом и даже ненавистью:

“– Ты знаешь, почему я ненавижу эти русские песни?

– Ненавидишь?

– Они позволяют людям жить там, где это невыносимо, где надо бунтовать, рвать и разносить всё в клочья! – Семен потерял свое обычное спокойствие. Его трясло.

– Судя по тебе, я прихожу совсем к другим выводам, мне казалось, что эти песни бунтарские.

– Были. Долго были. А теперь они стали громоотводом. Вот за это и ненавижу...”

Хотя в романе польского писателя Ежи Йохимека с резкой критикой песен “Бежал бродяга с Сахалина” и “По диким степям Забайкалья” выступает как раз русский герой, тем не менее можно заметить, что автор, создавая этот образ, вкладывает ему в уста множество наблюдений и суждений, вынесенных из собственного лагерного опыта.

Почему я обо всём этом пишу? А потому, что восхищение русской лагерной и блатной песней, которое донесли и передали своим детям бывшие польские заключенные ГУЛАГа, уже скоро начало приносить плоды. Когда в 60–70-е годы в Польшу начали контрабандой привозить магнитиздат – кассеты с записями самых известных представителей

авторской самодетельной песни, многие среди молодежи уже были подготовлены к ее содержательному восприятию – и восприняли эти песни восторженно. Они обнаружили в них тот же синтаксис, ту же, временами буквально разговорную фразу, что и в песнях, “контрабандой памяти” привезенных их родителями.

Я уже говорил, что молодежное и студенческое культурное движение в Польше, подобно тому, как это происходило в Советском Союзе, тоже не поддалось – несмотря на настойчивые усилия Воспитателей Нации – окончательному укрощению. Как и в СССР, за эту независимость пришлось платить отсутствием в официальных СМИ. Одной из самых популярных форм активности молодежи всегда оставалось массовое туристическое движение. Пробегам, слётам, палаточным лагерям и другим формам туристического движения – всему, что устраивалось под покровительством официальных, получивших “благословление” властей харцерских и студенческих организаций, – всегда сопутствовала песня. Надо заметить, что песенный репертуар для этих мероприятий весьма редко черпался из выходявших огромными тиражами “сборников массовых песен”. И это вовсе не означало, что среди молодежи широко распространялись какие-то бунтарские, неблагонадежные идеи. Суть этого явления довольно точно определил один из участников этого движения в 60-е годы в частной переписке с автором данного материала:

“Это были просто некоммунистические встречи в горах, и не только в горах”.

Совместное бродяжничество по местам, свободным от пропагандистских лозунгов, помогало не только восприятию красоты природы и ощущению внеполитической общности. Здесь рождалась и потребность в откровенном разговоре. Песня становилась одной из форм такого разговора. Тем более, что можно заметить, как начиная с 1960-х растет популярность песенной поэзии и авторской песни, причем не только отечественной. В репертуаре многих польских исполнителей были, например, песни Боба Дилана, Жака Бреля, Джоан Баэз, Жоржа Брассенса, Леонарда Коэна, Пита Сигера и Вуди Гатри.

Жонглерами называли в средневековой Франции бродячих певцов, которые, странствуя по всей стране от замка к замку и из города в город, выступали там, представляя самые знаменитые песенные сочинения своего времени, не только собственные. Будучи исполнителями одноголосной светской песни, они считались “ниже рангом”, чем придворные певцы –

трубадуры, труверы, менестрели, миннезингеры и мейстерзингеры. Их репертуар вдобавок иногда был далек от религиозной и политической корректности придворных бардов. Из-за этого у них часто возникали неприятности с властью предержащими. Зато они были любимцами толпы. Похоже, что бесчисленным певцам из вышеописанных современных кругов идеально подходит звание “жонглеров”. Чаще всего они пели под гитару не песни собственного сочинения, зато создавали популярность авторским песням того или иного барда. Важное место в их выступлениях занимала русская песня: блатная, лагерная и – авторская! И хотя эти песни звучали на языке, воспринимавшемся как “идеологический”, изучать который в Польше было, с одной стороны, обязательно, а с другой – резко нежелательно, слушатели воспринимали эти песни с удовольствием и пониманием – как часть своего мира. Ибо мир, предлагаемый русскими бардами, опирался на такую систему ценностей, эстетику и такой способ выбора аргументов в защите своих убеждений, с какими активно боролась официальная, предписанная властями “этика и эстетика”.

Авторская песня в России родилась на рубеже 1940–1950 х как выражение бунта против официальной культуры, запертой в производимые “поточным методом” шаблоны новояза, который лелеяли на бесчисленных праздниках и торжественных заседаниях, конкурсах и фестивалях и распространяли через все средства массовой информации, включая оравшие на каждом углу громкоговорители. Считать, что это творчество было изначально политическим, верно лишь постольку, поскольку в такой стране, как Советский Союз, даже самостоятельно, на свой страх и риск сделанный прогноз погоды на завтра рассматривался как акт неповиновения государству.

Какими были те первые песни российских бардов, которые исполняли польские “жонглеры”? Кто были их авторы?

Пусть ответом будет хранящийся в моем архиве мейл, полученный от Витольда Ростворовского, учившегося в Кракове во второй половине 60 х:

“В ноябре 1967 г., во время ночного турпохода студентов Горно-металлургической академии, я познакомился в Горцах с парнем, с которым потом много раз бывал в горах. Вместо того чтобы ночевать в Охотнице, мы решили подняться ночью на Турбач, хотя условия были уже совсем зимние. Нам удалось уговорить еще двух его знакомых девушек, и мы отправились. Вот что врезалось в память – спустя несколько часов шалаш,

костёр и эти две девушки (репатриантки 1957 г.), прекрасно певшие русские (советские?) песни. На Турбач мы взобрались около четырех утра и расположились в котельной. Утром появился там некий Алек, одаренный удивительно чистым и сильным голосом, и в этой котельной он спел нам „Сапоги” и „Не верьте пехоте”. Это был шок. Таких текстов я раньше не слышал. Фамилия Окуджавы появилась позже – может быть, лишь с появлением его польской пластинки.

В 1968 г. я уже прошел студенческие курсы проводников в Татрах. В июле я был на студенческой базе в Кринице, когда туда пришла „Штамайза”, группа певцов и гитаристов во главе с Петром Вархоляком и Лилькой Собок – очень симпатичные ребята, и пели они исключительно хорошо. Они пели „Заразу” и, главное, „Нарву” (о том, что автор – Галич, я узнал недавно). Через несколько дней они пошли дальше, но я договорился встретиться с ними в Загуже. На базе в Загуже был и проигрыватель, и пластинка на 45 оборотов, а на ней четыре песни о горах. Автор – какой-то Высоцкий. Это был еще один шок, наверное, даже больше, чем с Окуджавой: песен про войну я знал немало, а хороших песен о горах, особенно о восхождении, у нас, пожалуй, не было. Эти песни из фильма „Вертикаль” я по сей день считаю лучшими песнями Высоцкого.

1968 год был уже временем кипучей деятельности. Студенты ездили [в СССР] на стройки и привозили песни. Так к нам попали песни Городницкого, Кукина, Визбора, Высоцкого и других, причем авторов мы не знали, и нас даже не интересовало, чьи это песни. Например, у того же Алека я услышал песню „Товарищ Сталин” в исполнении Высоцкого, уже на катушечном магнитофоне, а об авторстве Алешковского узнал только несколько лет назад. При доставке заученных песен через границу и при последующем их распространении часто искажались и мелодия, и слова. Привозили оттуда как авторские песни, так и народные и военные. Для нас не было большой разницы – если мелодия была хорошая, то мы их пели. Я пытался исправлять ошибки, но на точность никто особого внимания не обращал.

В 1975 г. я достал в Париже пластинку Окуджавы, кажется, первую его долгоиграющую, – записанную, когда он там был (насколько я знаю, до того времени в СССР не было ни одной его пластинки, а на польской пластинке сам он пел только одну песню). Его исполнение потрясло меня настолько, что я больше не смел исполнять его песни”.

Этот рассказ (один из нескольких десятков хранящихся в моем архиве) требует, конечно, некоторых дополнений. В нем говорится о своеобразном культурном феномене, который создавался совместно многими тысячами польских студентов и старших школьников в 60–80-е годы минувшего столетия. Технической и организационной базой этого движения служила постоянно расширявшаяся сеть горных приютов, студенческих баз и харцерских лагерей, студенческих и молодежных клубов, студенческих общежитий. С середины 60-х эти “туристские” мероприятия стали сопровождаться смотрами и фестивалями “туристской песни” – многодневными, проводившимися чаще всего на природе циклами концертов, в рамках которых, наряду с “официальной” программой, получившей “добро” от властей, проводилось огромное множество неформальных мероприятий. Там же обменивались информацией и репертуаром певцы и авторы польских песен – название одного смотра, “Общепольская биржа туристской песни” (первая “Биржа” прошла в 1968 г. в Шклярской-Порембе, а само мероприятие функционирует там же по сей день), удачно передает его характер.

Стоит обратить внимание еще на одну важную деталь в рассказе Ростворовского: ни исполнителей, увлеченных русской авторской песней, ни их слушателей не слишком интересовали фамилия и биография автора! Для молодых поляков главным критерием приятия этого репертуара была оригинальность и достоверность песни – как самого текста, так и его гитарного сопровождения. И в рассказах артистов, которые позже сами стали мастерами собственно польской авторской песни, звучат, словно мантра, слова об анонимных “людях с пленки”, чье творчество оказало огромное влияние на формирование их собственного авторского амплуа. Об этом говорили, в частности, Яцек Качмарский, Ян Кшиштоф Келюс, Пётр Бакал, Вацлав Ющишин и Войцех Беллон. В популярной в свое время песне ансамбля “Вольная группа Буковина” под названием “Мастер Беда” без труда узнается тема, навеянная песней Окуджавы “Мастер Гриша”.

Перечислить сравнительно точно всё, что у нас в неформальной сфере слушали и исполняли в 60–70-е годы из репертуара русских бардов, сегодня уже практически невозможно. Всё это происходило вне рамок официальной истории ПНР, придворные историки которой писали о “формировании у молодежи позиций, присущих зрелому социалистическому обществу”, а вторая строфа официального гимна харцеров была по существу верноподданнической

декларацией лояльности по отношению к партии. Участники же событий, о которых я рассказываю, не особенно заботились о том, чтобы их описать.

С середины 70 х часть молодых артистов активно включилась в деятельность демократической оппозиции. И тогда же в неформальной сфере широко распространилось исполнение польскими бардами переводов произведений их русских учителей, вернее – одного Учителя. Разумеется, это был Владимир Высоцкий. Однако на подавляющем большинстве переводов лежал “первородный грех” – чрезмерная, отсутствующая в текстах “барда с Таганки” политизация текстов. Это было особенно заметно в “высоцких” парафразах самого известного барда того периода – Яцека Качмарского. Его песни “Облава”, созданная на основе “Охоты на волков”, и “Не люблю” (на основе песни “Я не люблю”), как и многие другие его произведения, порожденные тем же источником, искажают, а зачастую просто упрощают тексты русского артиста, сводя их к сиюминутным, перегруженным политическими аллюзиями “песням борьбы”, рассчитанным на стихийное одобрение слушателей. При исполнении этих произведений Качмарский подражал и исполнительской манере Высоцкого.

Примерно с середины 80 х неформальная сфера начинает постепенно освобождаться от политической конъюнктуры. В 1985 г. подпольный журнал “Карта” предложил своим читателям подборку текстов Александра Галича в переводе на польский язык с обширным комментарием переводчицы – Ларисы Зайончковской-Мицнер (под псевдонимом Мария Тщинская). Тот же, но уже несколько расширенный комментарий с еще большим числом переведенных песен вошел в сборник “Я люблю вас, люди”, изданный независимым “Фондом общественных начинаний” в Люблине в 1986 году. Это было не единственным из начинаний, исходивших из кругов варшавской “Карты” и имевших целью познакомить польскую аудиторию с современной русской независимой культурой.

Тогда же, в 1980 е, появился переводчик и исполнитель репертуара Владимира Высоцкого, Юрия Визбора и Юрия Кукина – Доминик Ксенский. Его выступления восторженно принимали в студенческих клубах, общежитиях, горных приютах и на смотрах туристской песни. Когда спустя много лет, уже став владельцем издательства и популярной местной газеты, он решил записать в студийных условиях и издать свои “бардовские” песни на компакт-диске “Поедем”, другой бард,

Аполлинарий Полек, младше Ксенского на целое поколение, написал об этом диске так:

“У меня в голове всё время звучит „Бабье лето” в исполнении Доминика Ксенского. С того момента, как нам подарили на свадьбу музыкальный центр, этот диск так и остается внутри. Этот человек действительно знает, что делает! В исполнении он ни на кого не похож, а переводы идеальны (в том смысле, что вообще не слышишь, что это переводы). Такие тонкие чувства в XXI веке!”

Существовала ли на протяжении последнего десятилетия и существует ли еще сегодня неформальная сфера? Смею утверждать, что да, если под этим определением понимать любые начинания, которые занимают свою нишу, в том числе и элитарные, без особого стремления пробиться в СМИ, адресованные аудитории с четко определенными ожиданиями, весьма компетентной в своих оценках – как, например, членам дискуссионных интернет-форумов, посвященных творчеству Булата Окуджавы или Владимира Высоцкого.

* * *

А как первый обман – да на заре туман.

А второй обман – закачался пьян.

*А как третий обман – он ночи черней,
он ночи черней, он войны страшней.*

Первый обман – думаешь: эх, кто-то пошутил.

Второй обман – смех пустой, смейся сколько хошь...

*А тот третий, как за твой шагнет порог,
ранит глубже тебя, чем на войне враг.*

*(Перевод перевода – дословный, у переводчика текст,
разумеется, рифмованный)*

Какая разница между двумя приведенными выше текстами?

Да такая, что строки Булата Окуджавы – это поэзия высокого полета, которая вообще не требует поддержки музыкального кода, а польский перевод этих четырех строк, сделанный Войцехом Млынарским, – отягощенная всеми “смертными грехами” “песенного” текста рифмованная строфа, которой придает смысл лишь музыкальная поддержка. Некоторые слова

и обороты в ней – всего лишь “наполнители”, ничего не вносящие в текст, нужные только для того, чтобы получилось одинаковое количество слогов в каждой строке или сохранился ритм. Кроме того, Окуджава и Млынарский говорят не совсем об одном и том же и обращаются к слушателям, совершенно по-разному воспринимающим слово.

В польской официальной сфере Войцех Млынарский считается одним из лучших знатоков и переводчиков песен Окуджавы и Высоцкого. Это дает представление об уровне подавляющего большинства польских переводов текстов русских бардов. Если верить критикам, у этого чрезвычайно популярного в Польше “текстовика” (автора слов к двум с лишним тысячам песен), исполнителя своих песен и артиста кабаре гораздо лучше выходят переводы Высоцкого...

Первым в официальной сфере появился Булат Окуджава – в 1967 г. в издательстве “Искры” вышел сборник “Стихи и песни Булата Окуджавы”. Автором всех переводов был Юзеф Вачкув. Книга исчезла с прилавков в несколько дней, до наших времен дошло лишь малое количество ее экземпляров, и не только из-за жалкого качества издания. На протяжении многих лет книжечки эти были в постоянном “пользовании” – из них молодежь переписывала тексты арбатского “Маэстро”. Об этом вспоминает, в частности, варшавский бард Пётр Бакал. В числе польских переводчиков песен и стихов Окуджавы следует назвать также Земовита Федецкого, Агнешку Осецкую, Анджея Мандальяна и Виктора Ворошильского. Его песни исполняли и продолжают исполнять популярные польские артисты: Войцех Семён, Слава Пшибыльская, Богдан Лазука, Эдмунд Феттинг, Кристина Сенкевич, Густав Люткевич, Петр Махалица, Станислава Целинская, Збигнев Замаховский, Мирослав Чижикиевич и многие другие. Булат Окуджава много раз выступал в Польше, и у него была своя многочисленная верная ему публика. Русистка Анна Беднарчик вспоминает:

“Некоторое время назад телевидение повторило запись последнего выступления Булата Окуджавы в Польше, и когда камера показывала зрительный зал, было видно, что часть публики поет вместе с ним”.

С 2002 г. в Кракове проходит Международный фестиваль им. Булата Окуджавы. Например, в 2003 г. в концерте “Пока Земля еще вертится...” на Рыночной площади выступили Владимир Вейт (Чехия), Дженнифер Больдевийн (Голландия), Лариса Герштейн (Израиль), Сигеми Ямануци (Япония), ансамбли “Кроссроуд”, “Эрденко Трио”, Александр Домогаров, Тамара Гверцители, Олег Митяев, Сосо Павлиашвили (Россия), Моника

Ангел, Марцел Павел (Румыния), Сюзи Боггус (США), Эудженио Финарди (Италия) и поляки: Ханна Банашак, Станислава Целинская, Мирослав Чижикевич, Лада Горпенко, Катажина Гронец, Эдита Юнговская, Саба Зузанна Красочко, Мечислав Литвинский, Ивона Лоранц, Анета Ластик, Пётр Махалица, Магда Умер, Збигнев Замаховский, Артур Жмиевский. Ведущим концерта был Пётр Балтрочик.

Песни Булата Окуджавы, Юрия Кукина и Юрия Визбора зазвучали в 60-е годы и в передачах Люблинского регионального радио благодаря находчивости и переводам Ежи Ксенского, автора многих радиопередач о культуре. В 1978 г. познанский Новый театр поставил пользовавшийся большой популярностью музыкальный спектакль “Встречи, прощания...”, в который вошли песни Окуджавы, Высоцкого, Клячкина, Кукина, Дольского и Матвеевой. В 80-е годы их песни звучали также в трех циклах передач “Харцерского радиовещания” по IV программе Польского радио – “Туристикон”, “Частная антология баллады” и “Неси, музыка, мудрые слова”, авторами которых были Пётр Бакал и Павел Шеромский.

Что касается популярности творчества Владимира Высоцкого в Польше, то тут, с одной стороны, надо было бы согласиться с диагнозом Анны Жебровской, поставленным в 1998 г. на страницах “Газеты wyborчей”:

“В целом у нас немало оснований, чтобы гордиться. Первую в соцлагере телепрограмму с песнями Высоцкого подготовил Войцех Млынарский. Польша стала начинателем Конкурса исполнителей серьезной песни, на котором дважды побеждал милиционер Вацлав Калета, исполнявший репертуар Высоцкого, в настоящее время начальник отделения полиции в Жешуве. Единственный музей Высоцкого за границами России создала в Кошалине Марлена Зимная. Автор единственной в мире докторской диссертации, посвященной его творчеству, – ваша соотечественница (автор этих строк, к вашим услугам). А признанный сегодня советолог Агнешка Магдзяк-Мишевская начала свою карьеру с описания несуществующей сестры Высоцкого – как она была одета на похоронах: бедная деревенская женщина, голова повязана платком. Народ читал и рыдал”.

С другой же стороны, тоже занимающаяся изучением творчества Высоцкого Анна Беднарчик писала в 2000 году:

“Из собранных мною материалов следует, что в 1976–1980 гг. в нашей прессе было напечатано 20 переводов 13 авторских песен

В.Высоцкого. В 1981–1983 гг. было опубликовано 37 новых переводов, из которых только пять были переводами того, что переводилось раньше; в 1984 г. вышло уже 35 новых переводов, из них 28 – песен, ранее не переводившихся. Возросло также число публикаций о русском поэте в прессе. До 1980 г. было опубликовано около десяти статей или заметок о В.Высоцком, а в 80-е годы появилось около 70 публикаций, посвященных его личности или творчеству. Надо вспомнить и многочисленные радио- и телепередачи и даже спектакль в постановке В.Млынарского”.

Анна Беднарчик связывала этот наблюдавшийся всего несколько лет рост популярности Высоцкого с политической ситуацией в Советском Союзе и в Польше. Дальше дело пошло гораздо хуже. Вот как пишет она же: “Всё меньшее число потенциальных слушателей понимает по-русски, а силу авторских песен составляет словесный текст, а не запоминающаяся мелодия”. Сейчас даже среди абитуриентов, поступающих на русскую филологию, попадаются такие, что не могут назвать ни одного имени русских бардов.

Лучшими переводчиками Высоцкого считаются Михал Ягелло и Ежи Чех.

* * *

Manifestatio rei в поэзии Александра Галича

Заголовок статьи Ханны Ковальской

Уже из заголовка чрезвычайно любопытной статьи Ханны Ковальской, хотя бы из первой его части, ясно, что научная сфера – это сфера закрытая. И, наверное, такой она и должна оставаться.

Разочаровывает словарная статья “Барды” в пятом, последнем томе книги “Идеи в России. Русско-польско-английский лексикон под редакцией Анджея де Лазари”, выпущенном в 2003 г. Междисциплинарной лабораторией советологических исследований Лодзинского университета. Разочаровывает не только ее содержание, выдержанное в манере анекдота, но и приведенная библиография: семь из восьми перечисленных позиций взяты из одного и того же сборника материалов конференции (по странному совпадению опубликованного тем же издательством, что и “Лексикон”), а восьмая, при всём уважении к огромным заслугам Марлены Зимной в популяризации сведений о Владимире Высоцком, – не научный

текст. Если верить “Лексикону”, самая ранняя польская научная работа о бардах написана в 1998 году...

До сих пор в Польше не было ни одной конференции, посвященной исключительно авторской песне. Конференция, посвященная бардам из разных стран, в том числе из России, проводилась только один раз, в 2000 году. Да и это мероприятие потребовало от организаторов, профессоров факультета полонистики Варшавского университета Ядвиги Савицкой и Эвы Пачоской, немалой смелости и решительности. Почему? Наверное, потому что большинство ученых по-прежнему считает, что “писать о песнях” с научной точки зрения – по меньшей мере неуместно. Автор настоящей статьи помнит не слишком вдохновляющие комментарии, сопровождавшие информацию о том, что Кшиштоф Гайда из Познанского университета им. Адама Мицкевича пишет диссертацию о творчестве Яцека Качмарского. Как представляется, эта “солидарная неприязнь” к изучению авторской песни – явление скорее фольклорное, чем литературное.

Между тем и конференция “Барды”, и выход книги “Яцек Качмарский в мире текстов” оказались значительными и важными событиями в научном мире и показали, что игнорировать авторскую песню в исследовательской практике гуманитарных дисциплин – это попросту искажать, причем добровольно, описываемую действительность. Об этом же приходилось говорить в своих статьях и автору этих строк.

Круг польских исследователей авторской песни не может похвастаться ни количеством имен, ни числом публикаций. С большим опозданием, лишь в 70-е годы, были написаны первые работы. Вероятно, здесь повлияло обычное вмешательство мира политики в мир науки. Но, видимо, не только это. Об Александре Галиче Ханна Ковальская писала уже в 1977 г., импонируют своим объемом научные труды профессора Анны Беднарчик – ее работы посвящены главным образом проблематике перевода произведений Владимира Высоцкого. Анна Жебровская – пожалуй, единственный человек из ученых кругов, отказавшийся от научных исследований (после докторской диссертации о Владимире Высоцком) и занявшийся журналистикой. Она опубликовала множество статей – главным образом в “Газете wyborчей”, – посвященных культуре Советского Союза и России, в том числе и о песнях Булата Окуджавы. О тех реалиях, в которых приходилось жить и творить создателям русской авторской песни, и о феномене “магнитиздата” писал также Люциан Суханек. В своем “Путеводителе по современной русской литературе и ее

окрестностям” (1996) Тадеуш Климович назвал целых 36 имен создателей русской авторской песни.

В это почти всё. Так мало – и все-таки так много. Надеяться на то, что такое положение вещей изменится, позволяют последовательно воплощаемые в жизнь постулаты польских компаративистов, во главе с профессором Богуславом Бакулой из Познани осуществляющих исследовательскую программу, которая сформулирована следующим образом: цель современной компаративистики – “осознать культурную и этническую идентичность, а затем сопоставить выступающие в этой сфере явления с иными явлениями: равнозначными, равноценными, но разными по форме. Иными словами, реконструировать национальный дискурс, соотнося его с исторически параллельными дискурсами, а в их рамках – с течениями, направлениями, стилями, идеологиями, индивидуальными художественными решениями”.

В этой программе нашлось место и для изучения творчества русских, польских, чешских и иных славянских бардов.

Представленная выше классификация сфер распространения, в рамках которых к польской аудитории доходило творчество русских бардов, а также отбор и оценка отдельных явлений – всё это сделано автором данной статьи, и только он несет за это ответственность. В надежде, что написанный текст может в какой-то мере заинтересовать русского читателя, я осмеливаюсь предложить его читателям “Новой Польши”.

1. Редактору “Новой Польши” трудно согласиться с этим утверждением. Он относится к тем полякам, которые в 1944–1947 гг. знали этот и другие тексты С.Гудзенко, дружили в Москве с автором и его другом, Алексеем Недогоновым.
2. Ряд терминов и цитат в статье дается по-русски. Мы не нашли нужным выделять их в переводе. – Ред.

Дмитрий Философов

ПАЛОМНИК

В недавно изданном сборнике стихов Норвида (под ред. и с прим. Мириама Пшесмыцкого) – помещено стихотворение “Паломник”.

Оно не попало в популярный сборник “Национальной Библиотеки”, выпущенный под редакцией проф. Цивинского, и лет двадцать пять таилось в журнале “Химера”. Таким образом, оно лишь ныне, пятьдесят лет после кончины поэта, стало достоянием широкого круга читателей.

Вот его прозаический, наскоро сделанный, перевод:

Над сословиями существует “сословие сословий”,

Как башня над плоскими домами

Стремится оно в тучи...

* * *

Вы думаете, что я не барин

Потому что дом мой

Из верблюжьей кожи – подвижен...

* * *

Однако, я – существую лишь в лоне небесном,

Оно влечет мою душу

Как пирамиду!

* * *

Однако и я – имею столько земли

Сколько земли покрывает стопа моя,

Покуда я иду!..

Из комментария г-на Пшесмыцкого видно, что стихотворение это было написано Норвидом в шестидесятых годах прошлого

века, т. е. в наиболее зрелые и плодотворные годы его творчества. (Норвид родился в 1821 г.)

Далее, из того же комментария мы узнаём, по какому поводу это стихотворение было написано.

Пшесмыцкий утверждает, что в своем “Паломнике” Норвид расправился с чванливостью и мегаломанией крупных польских помещиков. По его словам, помещики того времени считали себя избранными и более достойными, нежели другие, исключительно благодаря обладанию поместьями. “Норвид, – продолжает Пшесмыцкий, – вращался в кругу помещиков и относился к ним очень приязненно, благодаря своей любви к „деревне”. Это не мешало ему смотреть на них иронически, изза внутренней пустоты большинства из них”.

Г-н Пшесмыцкий – авторитет столь незыблемый в “Норвидологии”, что его комментарий надо считать неоспоримым. Напомним, что Норвид долгое время дружил со знаменитым поэтом, гр. Сигизмундом Красинским, который очень ярко выражал идеологию польской земельной аристократии. Когда Норвид предъявил к избранным, стоящим на верху, требование поступиться своими богатствами в пользу стоящей внизу меньшей братии, Красинский резко изменил свое отношение к Норvidу, несмотря на то, что последний был по самому миросозерцанию своему консерватором и довольно резко критиковал революционные и социальные идеи романтика Мицкевича.

Итак, компетентный издатель большинства произведений Норvida очень точно указал повод написания “Паломника”.

В данном случае, мы имеем некоторую аналогию с “Моей родословной” Пушкина.

Пушкин живо чувствовал ничтожество тех “аристократов”, которые презирали поэта как выскочку.

“Я Пушкин просто, не Мусин,

Я не богач, не царедворец,

Я сам большой: я – мещанин”...

Норвид был “просто” Норвид, как Пушкин был просто Пушкиным, не МусинПушкиным...

Оба они причисляли себя к высшей аристократии духа, считали себя представителями “сословия над сословиями”.

Все это так...

Но не надо забывать, что наиболее ценные произведения литературного творчества довольно скоро отделяются от своего творца. Они начинают жить своею собственной жизнью, перерастают тот “повод”, который вызвал их к жизни.

В июне 1933 года “Паломник” звучит совершенно иначе, нежели семьдесят лет тому назад. Для русской же эмиграции это стихотворение получило свой особый смысл, не имеющий ничего общего с чванливыми представителями земельной аристократии, все равно какой: польской или русской.

Мы, эмигранты, стали “безземельными” вовсе не потому, что некоторые из нас потеряли свои поместья, а потому что мы потеряли родину.

Внешним выражением этой бездомности служит “волчий билет”, именуемый “Нансеновским паспортом”. В этом паспорте сказано, что мы люди “русского происхождения” и “никакой другой национальности не приобрели”.

Премудрый стиль Лиги Наций! Как будто новое “происхождение” может быть приобретено. Приобретено может быть новое подданство, а никак не новое “происхождение”.

Норвид в своем “Паломнике” указывает, как нам закрепить свое происхождение, как нам, несмотря на наш волчий билет, из изгоев перейти в “сословие над сословиями”.

Он дает нам великое утешение, хотя и не скрывает, что земля добывается для “безземельных” великим подвигом.

Для того чтобы преодолеть наше ничтожество, мы должны постоянно воздыматься вверх, тянуться к облакам, как башня стремится ввысь над плоскими домами.

Одни, страдая одышкой, могут подыматься медленнее, другие быстрее. Но главное, чтобы постоянно подыматься, ни на минуту не останавливаясь.

“Землю” мы накапливаем стопами своими, куда мы идем!

Дойдем ли мы до земли обетованной или не дойдем – не наше дело. Нам этого знать не дано. Главное не бросать посох паломника и непрестанно идти на Восток, на Восток!

Ведь даже Моисей не вошел в землю обетованную.

Звание эмигранта очень почетное. Но его надо заслужить. Только непрерывным восхождением волчий билет Нансена превращается в золотую грамоту. И горе тем из нас, кто об этом забывает. Поселившись в “плоских домах”, забыв о подвижных намётах из верблюжьей шкуры, успокоившись, отказавшись от непрерывного восхождения, они превращаются в “чернь” и рискуют сгореть, как солома...

Поразительно, что стихотворение свое Норвид назвал “Паломником”.

Уже самое название указывает на то, что внутреннее содержание стихотворения куда значительнее, нежели расправа с чванными помещиками.

“Фамилия” (семья) – так называли поляки кн. Чарторыских – обладала, как и Красинский, богатыми латифундиями. Однако Норвид несомненно причислял столь почитаемую им “Фамилию” – к паломникам, к “сословию над сословиями”. Красинский же, несмотря на все свое дарование, – звание “паломника”, в норвидовском смысле слова, не заслужил.

С понятием “паломника” у нас связывается представление о человеке, который “в армяке, с открытым воротом”, бредет с посохом в руках, к “святым местам”.

Ныне до Гроба Господня можно добраться на аэроплане.

Но такого “пилигрима” мы назовем туристом, отнюдь не паломником.

И тут для нас особое утешение...

Дело не в быстроте, не во непременно достижении, а в пути, в восхождении, в воле к достижению.

Не мы дойдем, так другие дойдут. Но если мы отложим наш посох, отдадим его “на хранение”, то никто не дойдет. Землю мы приобретаем, лишь “покуда мы идем”.

Молва (Варшава) 1933, №137

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “Сейм 6 го созыва начал свою работу, а премьер-министр Ярослав Качинский подал президенту Леху Качинскому прошение об отставке правительства”. (“Тыгодник повшехный”, 11 ноября)
- “Маршалами-старейшинами Сейма и Сената стали Збигнев Релига и Рышард Бендер. Президент Лех Качинский предоставил им полномочия открыть заседания обеих палат, принять присягу депутатов и т.д. Кандидатура Бендера, депутата Сейма ПНР и автора сомнительных высказываний о концлагере Аушвиц на волнах радио “Мария”, вызвала протесты израильского МИДа”. (“Тыгодник повшехный”, 4 ноября)
- “Новыми маршалами Сейма и Сената избраны Бронислав Коморовский и Богдан Борусевич (вторично)”. (“Тыгодник повшехный”, 11 ноября)
- “Дональд Туск назначен премьер-министром (...) Президент Лех Качинский поручил ему формирование правительства”. (Новости 1 й программы Польского радио, 9 ноября)
- Церемония назначения прошла “без гостей и журналистов, практически без слов (...) в маленьком Гетманском зале. Она продолжалась меньше минуты и была поразительно скромной (...) Невозможно не заметить разницу между вчерашним событием и церемонией назначения премьер-министром Ярослава Качинского. Тогда были поздравления президента, пожелания новому правительству, речь нового премьера. Вчера же лишь фоторепортеры и телеоператоры смогли запечатлеть молчаливое рукопожатие Качинского и Туска, а затем жест президента, приглашающий главу правительства на беседу, которая продолжалась 20 минут и была далеко не самой приятной”. (“Дзенник”, 10-11 ноября)
- В новый Сейм прошли представители 127 профессий, в частности, 76 преподавателей (из них 25 университетских), 65 инженеров и специалистов в 29 областях, 55 юристов, 20 врачей, 19 предпринимателей, 17 историков, 12 социологов, 7 журналистов, 6 крестьян без образования (и 9 инженеров

сельского хозяйства). 94 из 460 депутатов – женщины. Средний возраст депутатов составляет 47,7 года. (“Политика”, 10 ноября)

• Архиепископ Тадеуш Гоцловский, митрополит Гданьский: “Результат выборов я считаю прежде всего победой народа и суверенного демократического государства. Об этом свидетельствует очень высокая, 57 процентная явка на Балтийском побережье (...) В выборах впервые участвовали люди, родившиеся в свободной Польше. Они не заражены наследием коммунистической системы, их больше интересует экономика и место Польши в Европе. События, связанные с действиями спецслужб на протяжении последних двух лет, они сочли деструктивными и отвергли такой стиль правления. Молодежь не любит коварных действий и камуфляжа”. (“Дзенник”, 25 окт.)

• “За „Гражданскую платформу” (ГП) проголосовало 6,7 млн. поляков. Такой результат стал возможен благодаря более высокой, чем два года назад, явке. По сравнению с прошлыми выборами, в этих участвовало на три миллиона человек больше (...) В подавляющем большинстве они проголосовали за партию Туска (...) Чем выше образование, тем больше доля поддержавших ГП (...) „Право и справедливость” (ПиС) проиграло также битву за молодежь, в том числе в возрасте от 24 до 39 лет (...) Среди людей старше 60 лет Качинский получил больше голосов, чем Туск (...) ПиС проиграл также в городах (...) Везде, за исключением Люблина, крупные агломерации были против Качинских (...) Недавние выборы вновь показали разделение Польши на две части. Четко прослеживается обособленность восточных и южных воеводств (...) Влияние ПиС в этой части Польши довольно сильно (...) однако перевес ПиС над ГП на востоке не так силен, как перевес ГП над ПиС в западной и центральной Польше, особенно в Силезии (...) На востоке и юге постепенно растет влияние противников ПиС (...) Молодежь, образованные люди и горожане будут изменять общественный и политический пейзаж (...) Деревня в большинстве своем на выборы не пошла и не оправдала ожиданий Качинского. Правда, в деревне ПиС опередил ГП и крестьянскую партию ПСЛ, но оба его конкурента добились вполне неплохих результатов. В деревне нет капитала разочарования и гнева (...) Европа начинает проникать и сюда (...) Княжества „Платформы” и ПиС сравнимы по площади, но в западных воеводствах и крупных агломерациях участие в выборах было гораздо более массовым (...) Профессор Анджей Рыхард (...): „За “Платформу” проголосовали люди, которые не хотят, чтобы им мешали, за ПиС – те, кто хочет, чтобы им

помогали”””. (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, при участии Агнешки Загнер, “Политика”, 3 ноября)

• Радослав Марковский, политолог, профессор Высшей школы социальной психологии: “В среднем в парламентских выборах участвуют 45% граждан (...) Два года назад голосовать пошло менее 41% [21 октября 2007 г. явка составила 53,88%. – Ред.]. Между тем в послевоенные годы средняя явка в Западной Европе составляет около 80%, а в Восточной Европе за последние 16 лет – чуть меньше 70 ти (...) Не голосующий поляк похож на своего единомышленника из западных демократических стран: он принадлежит к группе хуже образованных и более бедных людей, часто у него не слишком хорошая работа. Мы знаем его социологический профиль, но не можем объяснить, почему в среднем мы отстаем на 40% от явок, наблюдаемых в странах развитой демократии, и на 30% от наших соседей [после выборов 21 октября разница составляла бы соответственно 30 и 20%. – Ред.]. Думаю, что главную ответственность за апатию поляков несут их культурные особенности: чуждость им институций, в т.ч. государства. Это польская специфика, вынесенная из прошлого – разделов, оккупации. Вторая проблема – приватизация публичной жизни, неспособность поляков к самоорганизации в публичной сфере. Они умеют организоваться в частной сфере, но публичная жизнь им непонятна. Польша изменяется, так что можно надеяться на улучшение ситуации. Доля людей с высшим образованием растет в геометрической прогрессии, благосостояние растет быстрее, чем в богатой Европе. Однако закрепление более высокой явки остается задачей на ближайшие 10–20 лет”. (“Ньюсуик-Польша”, 21 окт.)

• “Лучшие современные теоретики демократии считают одним из условий ее нормального функционирования значительное число „просвещенных граждан”, которые, голосуя на парламентских или президентских выборах, более или менее ориентируются, что именно они выбирают (...) Многие люди уезжают за границу, чтобы там остаться, сотни тысяч других уезжают и возвращаются (...) становясь при этом „просвещенными гражданами” – не благодаря школе, а благодаря наблюдениям и опыту. Если прибавить к этому Интернет и самые обычные мобильные телефоны, то быстро окажется, что польское общество резко меняется (...) Уходит поколение раздосадованных „героев” и „жертв” реального социализма, тех, кто не знает, почему их отстранили от власти в повете, и тех, кто не в состоянии понять, как человек может честно зарабатывать миллионы (...) Наблюдения, практика и опыт очень быстро дали поразительные результаты (...)

Впервые после 1981 г. польское общество ясно дало понять, что требует власти реформаторов, чьим правлением оно может быть довольно”. (Мартин Круль, “Тыгодник повсехный”, 4 ноября)

- “Вот и прошли выборы (...) Это был более важный и драматический тест на наш здравый смысл, чем в 1989 году. Тогда все пути неизбежно вели к демократии. Сейчас мы выбирали между современной западной демократией и демократией выродившейся. Я уверен, что за последние два года Польша стала хуже и глупее. Зависть накормлена. Недоверие усилено. Патриотизм национализирован. Страхи стали буйными и обильными. Над страной навис призрак всеобщей ненависти. Даже трудно поверить, что в рамках демократии, просто приспособивая ее для своих целей, можно так напасть”. (Томаш Яструн, “Ньюсуик-Польша”, 28 окт.)

- Профессор Януш Чапинский, социальный психолог: “Оказалось, что сторонников теории заговора намного меньше, чем людей правой ориентации конструктивного толка. Значительная часть поляков поступилась своими эгалитаристскими убеждениями ради изменения стиля правления и выхода из тупика, который мог привести к полицейскому государству”. (“Жечпосполита”, 23 окт.)

- Марек Эдельман, последний оставшийся в живых руководитель восстания в варшавском гетто: “Я мечтаю о стране, доброжелательной к людям, – о свободной Польше (...) Я бы хотел жить в стране, где никто никого не ограничивает, никто ни за кем не следит, а наоборот – позволяет развиваться (...) Строить такую Польшу нелегко, ибо человек по природе своей – животное злое (...) Дело ведь не только в изменениях на политической сцене, но и в глубоких переменах в человеческом уме (...) Хотя на выборах и победила „Платформа”, 30% граждан все же поддержали Пис. Значит, трети поляков нравятся взгляды братьев Качинских. Это очень многое говорит о нашей ментальности и означает, что мы любим, когда люди относятся друг к другу недоброжелательно, обижают друг друга и лгут”. (“Дзенник”, 28 окт.)

- “Центр „Millward Brown SMG/KRC” провел исследование, применив давно используемый социологами метод для изучения „авторитарной личности” (...) Подводя итоги своей работы, исследователи изобразили пирамиду партий, чьи сторонники с наибольшим одобрением относятся к авторитаризму. На вершине этой пирамиды оказалось „Право и справедливость”. Дальше всего от авторитаризма избиратели „Левых и демократов” (Лид), затем ГП и крестьянской партии

ПСЛ. Больше сторонников твердой руки, чем в электорате партии Качинских, обнаружилось только среди избирателей „Самообороны””. („Ньюсуик-Польша”, 28 окт.)

- В резолюции, направленной президенту, маршалу Сейма и премьер-министру, Европейская ассоциация судей, действующая под эгидой Международной ассоциации судей, „напомнила польскому руководству о необходимости соблюдать универсальные стандарты независимости органов судебной власти (...) Европейское отделение Международной ассоциации судей пишет о (...) действиях, направленных на ограничение полномочий судейского самоуправления в пользу исполнительной власти и о слишком широких полномочиях министра юстиции, которые ослабляют гарантии независимости польских органов судебной власти (...) В свою очередь несколько положений закона об устройстве гражданских судов решил обжаловать в Конституционном суде Всепольский совет правосудия”. („Жечпосполита”, 24 окт.)

- “ „Если Польша не скорректирует свою бюджетную политику, то будет и впредь подвергаться процедуре чрезмерного дефицита”, – сказал комиссар ЕС по экономической и денежно-кредитной политике Хоакин Альмуния (...) Против Польши ведется дисциплинарная процедура за чрезмерный дефицит, превышающий допустимый в ЕС уровень 3% ВВП”. („Жечпосполита”, 10-11 ноября)

- Профессор Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного суда: “С нескрываемой тревогой прочел я отчет Лиссабонского совета о перспективах развития нашей части Европы (...) („The European Human Capital Index: The Challenge of Central and Eastern Europe”), посвященный развитию, измеряемому не столько экономическим ростом, объемом иностранных инвестиций и притоком капитала, сколько использованием человеческого потенциала (...) Показатели, представленные авторами отчета, включают в себя несколько критериев: масштаб инвестиций в образование и развитие экономически активных граждан, использование человеческого потенциала (его величина и производительность) и, наконец, демография и занятость. Результаты отчета не внушают оптимизма: среди 12 исследованных стран (в число которых вошли все новые члены ЕС, а также Турция и Хорватия) мы заняли предпоследнее место – перед Хорватией, но после Румынии, Болгарии и Словакии (...) Особенно плохо обстоит дело с инвестициями в образование и обучение, причем не только молодежи – правильная политика заключается в том, чтобы как можно

дольше поддерживать профессиональную активность и пожилых общественных групп”. (“Ньюсуик-Польша”, 11 ноября)

- Рассмотренное на последнем лиссабонском саммите конституционное соглашение Евросоюза должно укрепить ЕС и заменить собой его конституцию. Соглашение было одобрено лидерами всех государств в первую же ночь. Оно облегчит принятие решений – теперь для этого потребуется лишь простое большинство голосов. Право вето сохранилось только в таких ключевых областях, как изменение соглашений, расширение ЕС, внешняя и оборонная политика, налоги. В Еврокомиссии будет только 18 комиссаров, а не по одному из каждой страны, как прежде. Новое соглашение дает ЕС статус юридического лица, должность президента, избираемого на 2,5 года, представителя, который по сути дела будет играть роль министра иностранных дел, а также Хартию основных прав, представляющую собой перечень прав и ценностей. Соглашение вступит в силу 1 января 2009 года, если только его удастся ратифицировать в 27 странах-членах ЕС. Однако система голосования изменится лишь в 2014 году. Президент Лех Качинский был удовлетворен результатами саммита. “В сущности Польша получила все, что хотела. Хорошо, что это уже позади”, – сказал президент на пресс-конференции. (“Газета wyborcza”, 20–21 окт., “Жечпосполита”, 26 окт.)

- Профессор Барбара Скарга, философ: “Сегодня быть патриотом – это быть гражданином не только Польши, но и Европы, помнить о той общей родине, которая выходит за рамки национальной замкнутости. Патриотизм – это обращающаяся к самым глубоким корням созидательная деятельность, основанная на добрососедских отношениях (...) Мы не имеем права загубить идею Европы. Надо защищать ее от тех, кто не способен ни понять, ни оценить зарождающийся европейский патриотизм”. (“Газета wyborcza”, 20–21 окт.)

- “В пятницу в Ираке погиб старший капрал Анджей Филипек. Это 22 й польский солдат, погибший в ходе нашей миссии в этой стране (...) Под колесами „Хаммера” сработало взрывное устройство. В результате взрыва один военный погиб, а трое других получили ранения. Это была шестая миссия Анджея Филипика. Сначала он служил в Сирии, потом дважды в Боснии и Герцеговине и трижды в Ираке”. (“Дзенник”, 3–4 ноября)

- “В субботу польские и иракские солдаты задержали террориста, который признался в нападениях на польскую базу в Дивании. Кроме того, он несет ответственность за другие теракты против патрулей коалиции”. (“Дзенник”, 22 окт.)

- “Иракские спецслужбы арестовали гражданина Ирака, который совершил теракт против польского посла генерала Эдварда Петшика (...) Террорист уже признался в содеянном (...) Покушение на посла произошло 3 сентября неподалеку от польского посольства в Багдаде (...) В результате взрыва погиб офицер Бюро охраны правительства (...) 58 летний генерал Петшик получил тяжелые ожоги и провел несколько недель в больнице (...) Он планирует отдохнуть еще несколько дней, но уже хочет как можно скорее вернуться к работе в посольстве Польши в Ираке”. (“Жечпосполита”, 14 ноября)

- “Волна эмиграции не спадает. Только в 2007 г. из Польши уехали искать работу за границей 500 тыс. человек. По данным Главного статистического управления (ГСУ), число временных эмигрантов составляет 1,95 млн. человек. В Великобритании число поляков достигает 580 тыс., в Германии – 450 тыс., в Ирландии – 120 тысяч”. (“Политика”, 3 ноября)

- “Сейм утвердил „карту поляка”, которая даст возможность лицам польской национальности, проживающим в странах, возникших на территории бывшего СССР, многократно пересекать границу, учиться в польских школах и вузах, получать стипендию. „Карта поляка” будет выдаваться консульствами на десять лет с возможностью продления по просьбе заинтересованного”. (“Пшеглэнд православный”, октябрь)

- “Практически полное исчезновение границы на западе после вступления Польши в Шенгенскую зону 31 декабря 2007 года означает необходимость укреплять границу на востоке (...) В рамках приведения польских норм в соответствие с требованиями Шенгенской зоны Польша ввела визы для граждан Украины, России и Белоруссии. Впрочем, туристы из-за Буга не пострадают: прежние польские визы станут теперь шенгенскими и позволят им пребывать в течение трех месяцев не только в Польше, но и в других странах ЕС без необходимости получать дополнительные визы”. (“Впрост”, 28 окт.)

- “Один из самых горячих поборников польско-украинского примирения профессор Богдан Осадчук удостоился вчера премии им. Ежи Гедройца (...), „Я не представляю никого и ничего, кроме заветов Гедройца”, – сказал взволнованный Осадчук, принимая премию. Лауреата поздравил президент Лех Качинский: „Заветы Гедройца и то, о чем вы многие годы писали, сегодня осуществляются в Польше”. Церемония вручения прошла в варшавском Королевском замке”. (“Жечпосполита”, 9 ноября)

- “Ровесники проекта трубопровода Одесса–Броды–Гданьск уже познают тайны экономической географии в лицее, а дети, зачатые одновременно с появлением идеи энергетического моста между Литвой и Польшей, ходят в гимназию. Между тем ни трубопровода, ни моста как не было, так и нет. Состоявшийся на прошлой неделе в Вильнюсе энергетический саммит тоже не особенно приблизил дату начала их строительства. По правде сказать, это была очередная встреча политиков, которых объединяют страх перед Россией и отсутствие реальных инструментов, позволяющих добиться энергетической независимости их государств”. (Ежи Марек Новаковский, “Ньюсуик–Польша”, 21 окт.)

- “По данным ГСУ, за первые восемь месяцев 2007 г. объем польского экспорта в Россию и на Украину был на 30% больше, чем год назад, в то время как продажа наших товаров на рынках ЕС увеличилась только на 14%”. (“Дзенник”, 2 ноября)

- “Каждое седьмое лекарство, продаваемое в России под польской маркой, произведено преступными группировками. Европейская комиссия опасается, что теперь опасные препараты могут просочиться за Буг и разойтись по всему Евросоюзу (...) Как противодействовать проникновению таких препаратов на польский рынок? Есть только один выход: усилить контроль как на границе, так и внутри нашей страны (...) У российских мафиозных организаций все больше возможностей оказывать давление на власть, чтобы та пресекла свободный импорт медикаментов из Польши. По осторожным оценкам, объем продаж поддельных лекарств в России достигает уже 4–5 млрд. долларов в год”. (“Дзенник”, 30 окт.)

- “Не лекарства, косметика, мясо, овощи или фрукты, а польские менеджеры стали на Востоке самым ходовым товаром (...) Менеджеры с Запада обычно не умеют действовать на „диком Востоке”. Поляки, закаленные годами работы на постсоциалистической родине, без труда пробиваются через препоны чиновничьего аппарата и находят выход из трудных ситуаций (...) Преимущество поляков перед россиянами объясняется бóльшим опытом и знанием рыночной экономики, перед западными менеджерами – знанием постсоциалистической экономики и восточноевропейской ментальности. В ходе польских преобразований мы овладели умением бороться с чиновничьим аппаратом и научились действовать в безвыходных на вид ситуациях”. (Малгожата Здеховская, “Впрост”, 4 ноября)

- Роберт Маклович, кулинарный критик: “Недавно я побывал в Грузии. Это невероятное место (...) где лето длинное, а зима теплая. Я рад, что теперь Грузия будет принимать всё больше туристов из Польши, потому что Россия ввела против нее эмбарго”. (“Польша”, 20–21 окт.)

- “Вчера майор российской армии Сергей Юрень был приговорен к семи годам лагерей за шпионаж в пользу Польши (...) Российские и белорусские СМИ утверждают, что Юрень связан с делом четырех белорусских офицеров, приговоренных в сентябре за шпионаж в пользу Польши к тюремному заключению на сроки от 7 до 12 лет”. (“Дзенник”, 30 окт.)

- “В субботу на кладбище в Быковне под Киевом были похоронены останки около двух тысяч жертв НКВД, в том числе более 400 недавно идентифицированных польских военных, полицейских и чиновников, убитых по приказу Сталина весной 1940 года (...) Военские почести убитым отдал почетный караул украинской армии (...) Траурные торжества в память о поляках из т.н. украинского списка, вероятно, пройдут в 2008 году (...) В том же году в Быковне должны продолжиться эксгумационные работы. Остается обследовать еще 15 братских могил (...) В украинском катынском списке фигурирует в общей сложности 3435 поляков (...) Около 3,7 тысяч фамилий находится также в т.н. белорусском катынском списке (...) Скорее всего, они были расстреляны в Минске и зарыты в близлежащих Куропатах, однако туда польских исследователей не пустят, пока Белоруссией правит Александр Лукашенко”. (“Газета wyborcza”, 29 окт.)

- “В России состоялся премьерный показ фильма Анджея Вайды „Катынь” (...) „Так это выглядело”, – комментировал фильм бывший военный прокурор, генерал в отставке Александр Третьяцкий”. (“Жечпосполита”, 29 окт.)

- “Среди зрителей была профессор Наталья Лебедева, которая первой обнаружила документы, подтверждающие, что ответственность за убийство польских офицеров в Катыни несет НКВД, и подготовила издание этих архивных материалов, недоступных для историков в советские времена. „Фильм верен с документальной точки зрения и силен с художественной стороны. Он ни на секунду никого не оставляет равнодушным. Всё время чувствуешь боль в сердце”, – сказала Лебедева”. (“Газета wyborcza”, 29 окт.)

- “Телеканал ТВЦ показал программу, отрицающую советскую вину за убийство польских офицеров в Катыни (...) Это еще один случай, когда несколькими публицистами, искажающим

правду о Катыни, удастся пробиться в серьезные СМИ. Недавно „Российская газета” рядом с исторически верным материалом напечатала альтернативное мнение, приписывающее преступление немцам”. („Газета wyborcza”, 5 ноября)

- “Пять лет назад польские власти выкупили у неизвестного российского гражданина несколько тысяч предметов, найденных в Катыни (...) Алюминиевая манерка с нацарапанными фамилиями. Прочитать можно две: „Dąbrowski J.” и „major J.Plocer”. На дне другой манерки нацарапана надпись „Плен” и дата – 2 XI 1939. Внутри еще одной манерки – свернутый кусочек знамени (...) Удалось установить, что оно принадлежало 8 му дивизиону противовоздушной артиллерии (...) Знамя было разрезано и, вероятно, роздано офицерам (...) Такие приемы использовались, чтобы сохранить знамена после капитуляции (...) Кресты „Virtuti Militari” с номерами, медали и полковые значки, написанный от руки на обрывке бумаги список офицеров, вывезенных из Козельска, конспект урока английского языка на обрывках советских газет (...) Вещи, хранившиеся в сумке, были найдены в Катыни (...) По всей видимости, российский археолог-любитель нашел в Катынском лесу то, чего не удалось обнаружить полякам, – яму с вещами офицеров”. („Жечпосполита”, 10–11 ноября)

- “Накануне [Дня независимости] 11 ноября, праздника торжества и радости, подумаем о людях, которых нам запрещали помнить”, – сказал президент Лех Качинский на площади Юзефа Пилсудского. Президент посмертно повысил в звании 14113 офицеров, убитых НКВД в 1940 г. в Катыни, Харькове и Твери [тогда Калининe]. Перед могилой Неизвестного солдата президент и главнокомандующие различных видов вооруженных сил прочитали имена повышенных в звании, начиная с генерала Станислава Халлера. Их слушали толпы варшавян. Люди слушали и смотрели на фотографии убитых, показывавшиеся на двух больших телеэкранах. Чтение списка убитых продолжалось с пяти часов вечера до полуночи в пятницу 9 ноября и с шести утра до шести вечера в субботу. Последние имена снова прочитал президент. После шести часов вечера церемония завершилась перекличкой павших и литургией, за которой предстоял полевой епископ Войска Польского Тадеуш Плоцкий. („Газета wyborcza” и „Жечпосполита”, 9 и 10–11 ноября)

- “В Варшаве 89 ю годовщину обретения Польшей независимости праздновали президенты Польши и Литвы, маршалы Сейма и Сената, а по всей стране – толпы поляков (...)

На торжествах у могилы Неизвестного солдата президента сопровождали представители уходящего в отставку и будущего правительства”. (“Жечпосполита”, 12 ноября)

- Профессор Института философии и социологии ПАН Барбара Скарга, арестованная НКВД в 1944 г. и приговоренная к 11 годам лагерей; в Польшу вернулась в 1955 г.; в 1995 г. награждена орденом Белого орла: “Лагеря больше нет, но сколько людей там погибло! Некоторое время я работала медсестрой. Знаете, скольким покойникам я закрывала глаза? Как солдат на войне. Все это я пережила (...) Жизнь развивается сама, хочу я того или нет. Можно только задуматься, есть ли у нее какой-то смысл. Я не знаю, есть ли у нее смысл. Лешек Колаковский говорит, что нужно обязательно верить в смысл жизни. Я с ним не согласна (...) Столько миллионов людей погибло во время войны, да еще в таких ужасных муках. С какой целью, почему? Как тут можно говорить о смысле? (...) Думаю, что единственное лекарство для мужчин, позволяющее им разрядить свою агрессию, – это военные действия. Увы, такой уж это тип людей”. (“Газета wyborча”, 27–28 окт.)

- Кшиштоф Занусси: “Россияне пытаются создать синтез авторитарной власти с выборностью правительства. Мы можем дистанцироваться от этого, но этому не следует удивляться”. (“Ньюсуик-Польша”, 11 ноября)

- “В подвалах здания Службы военной контрразведки на ул. Халубинского, 3 работает музей преступлений Главного управления военной информации [разведки и контрразведки] (...) После II Мировой войны здесь размещался следственный изолятор Главного управления информации. Здесь были замучены многие польские офицеры, солдаты, члены национально-освободительных организаций (...) Музей можно осматривать только в сопровождении экскурсовода Гжегожа Кубашевского, предварительно договорившись с ним по телефону (605-951-959). При себе необходимо иметь удостоверение личности”. (“Жечпосполита”, 15 окт.)

- “В среду на торжественной церемонии, посвященной тем, кто во время войны спасал евреев, капитан Вермахта Вильгельм Хозенфельд был посмертно награжден орденом Возрождения Польши. Хозенфельд спас жизнь Владиславу Шпильману (...) Спустя годы это событие увековечил Роман Полянский в фильме „Пианист”. Хозенфельд умер в 1952 г. в советском лагере. Он был приговорен к 25 годам лагерей за военные преступления (он служил в немецкой контрразведке и, в частности, допрашивал варшавских повстанцев и советских пленников). Его освобождения безуспешно добивался Шпильман

(...) Согласно исследованиям, проведенным Институтом национальной памяти (ИНП), командуя лагерем военнопленных в Пабянице, Хозенфельд спас жизнь полутора десяткам поляков (по некоторым данным, двенадцати, в т.ч. преследуемому гестапо свящ. Цецёру)". ("Газета wyborча", 15 окт.)

- Расистское нападение в поезде Вроцлав-Варшава. Главный раввин Вроцлава Ицхак Раппапорт подвергся нападению двух молодых людей. "Вчера он подал заявление о преступлении. „Мы квалифицировали его как агрессию на почве расовой принадлежности. За это преступникам грозит до пяти лет лишения свободы”, - говорит комиссар Кшиштоф Запоровский из нижнесилезской полиции (...) Главный раввин Вроцлава подчеркивает, что больше всего его поразило равнодушие пассажиров поезда: „Трагично то, что в купе, полном молодых рослых мужчин, никто не отреагировал, никто не пришел мне на помощь. Все сидели и разглядывали свои ботинки”". ("Дзенник", 25 окт.)

- 8 сентября освящен первый класс первой в Польше частной православной шестилетней школы свв. Кирилла и Мефодия. Школу основало и финансирует Братство свв. Кирилла и Мефодия. В расписании можно найти, в частности, русский, белорусский и английский языки, а жизнь в школе подчинена ритму православного литургического календаря. ("Пшеглэнд православный", октябрь)

- "Белостокское радио „Ортодоксия" вещает с 19 декабря 2001 года. Радио было создано указом епископа Иакова от 30 ноября 2001 года. Освящение здания и официальное открытие радиостанции состоялось 15 сентября 2002 г., и именно этот день принято считать первым днем существования православного радио". ("Пшеглэнд православный", октябрь)

- "Глава Польской православной Церкви архиепископ Савва просит государство признать православные праздники (...) „Правда, по закону нам гарантировано девять свободных дней в году, но для верующих эти дни не совсем свободны от работы”, - объясняет архиепископ Савва. Дело в том, что эти дни нужно отработать в другое время. В Польше живет 509 тыс. православных, которые молятся в 350 приходах". ("Тыгодник повшехный", 4 ноября)

- "Стеклянный гробик, внутри которого лежит мальчик в костюме, - так выглядит св. Доминик Савио, покровитель министрантов (алтарников). Его реликварий объехал уже 46 польских городов, и везде его встречали толпы народу.

„Некрасивый и странный”, – говорит свящ. Ян Крацик. Но настоятели утверждают: „Реликварий идеально отвечает духовным нуждам поляков” (...) Реликварий приехал к нам из Турина. Он сделан из хрусталя и бронзы, а в середине лежит фигура из синтетической смолы, изображающая пятнадцатилетнего Доминика в натуральную величину. Глаза мальчика открыты, голова и руки слегка приподняты (...) Костей не видно, они скрыты в нижней части саркофага (...) Все это время (48 дней) храмы были переполнены”. („Газета wyborча”, 29 окт.)

• “Драматически растет число собак, подбрасываемых в варшавский приют для бездомных животных „На Палюху”. 18 октября там было уже 198 собак, хотя обычно их около 150 ти (...) В сентябре же их число достигло 282 (...) Приют трещал бы по швам, если бы не люди, берущие животных. Новых хозяев находит около 80% зверей (...) У старых и больных меньше всего шансов найти новый дом. Для них создается отделение собак-ветеранов (...) Такие собаки получают теплые места на диванах. Они смогут слушать радио. „Старым больным животным мы хотим создать условия, хоть немного напоминающие дом, из которого их вышвырнули...” – (...) говорит директор приюта Ванда Дейнарович”. („Польска”, 22 окт.)

• “„В Варшаве живет 110 тыс. собак”, – сообщил Аркадиуш Древняк из Бюро охраны окружающей среды (...) Город уже три года заботится о животных, живущих на воле: дает деньги на корм, платит за стерилизацию и за лечение жертв несчастных случаев. В течение года из городского бюджета на эти цели выделяется свыше 2,5 млн. злотых. Содержание приюта для бездомных животных ежегодно обходится городу в 1,5 млн. злотых”. („Газета wyborча”, 30 окт.)

• В день св. Губерта проходит одна из крупнейших в году охот. В сезоне 2005–2006 добыча охотников составила 133 тыс. косуль, 121 тыс. кабанов, 102 тыс. уток, 68 тыс. фазанов, 32 тыс. оленей, 30 тыс. зайцев, 16 тыс. куропаток и 2 тыс. ланей. В начале 70 х ежегодно убивали по 800 тыс. куропаток – сейчас только по полтора десятка тысяч. По мнению охотников, ответственность за такое вымирание куропаток несут “многочисленные виды хищников, взятые государством под охрану”. („Жечпосполита”, 3–4 ноября)

• “В Татрах группа туристов забросала камнями, а затем утопила в реке медвежонка. Ему было два года, он весил всего 40 кг и был немногим больше собаки. Мать только-только перестала его кормить”. („Дзенник”, 23 окт.)

- “Вчера словаки закрыли Татры на всю зиму, чтобы дикие животные отдохнули от людей. В Польше в горы можно ходить круглый год. Экологи бьют тревогу: если мы хотим спасти природу, то должны брать пример с наших южных соседей (...) Только к озеру Морское Око ежедневно приходит более 10 тыс. туристов”. (“Дзенник”, 3-4 ноября)

- “В субботу фонд „Я Висла” уже в третий раз ставил на место таблички, информирующие, что (...) Завадовские и Свицерские острова [под Варшавой] – природный заповедник (...) Водители, носящиеся по заповеднику на мотоциклах, квадроциклах и внедорожниках, оставили после себя следы шин, а на вырванных из земли столбиках [с табличками заповедника] – отпечатки буксировочных тросов (...) На островах живут 145 видов птиц, находящихся под угрозой вымирания (...) Рычание моторов и выхлопные газы сгоняют их с насиженных мест”. (“Газета выборча”, 12 ноября)

- “Почти 20 бобров, наносящих ущерб мелиоративным сетям и рыбным прудам в окрестностях Завертья, будут отправлены в Словакию (...) Силезские натуралисты не нашли в Польше желающих принять бобров, однако интерес к ним проявили словацкие ландшафтные парки (...) Согласие на вывоз животных дал министр охраны окружающей среды”. (“Дзенник”, 6 ноября)

“Группа Антония Ланчковского объехала уже всю Польшу, отлавливая бобров на территориях, где они наносят ущерб (...) Бобров отлавливают живьем и переносят в незаселенные этим видом места”. (“Дзенник”, 9 ноября)

- “До октября почетным дипломом, присуждаемым Советом Европы, могли похвалиться только два из двадцати с лишним польских национальных парков: Беловежский и Бещадский. Беловежский – жемчужина природы, последний в Европе девственный лес – своего диплома, увы, лишился (...) Из обоснования решения Совета Европы: „Хотя парк несомненно заслуживает этого знака отличия, власти всех уровней должны осознать, что необходимо прекратить использование охраняемого древостоя на территории пуци в коммерческих целях (...) В прошлом году на территории заповедника им. Владислава Шафера была вырублена тысяча более чем столетних елей””. (“Газета выборча”, 2 ноября)

- “Из существовавших до войны 16 тысяч дворцовых и усадебных объектов в хорошем состоянии сохранилось около 160 ти, т.е. 1%. Сегодня усадьбы продолжают разрушаться и нелегально продаваться – с нарушением прав довоенных

владельцев. Из уцелевших 3 тыс. зданий бывших усадеб более двух тысяч находятся в состоянии агонии”. (“Жечпосполита”, 30 окт.)

- Лодзь стала вторым после Сан-Франциско городом, где в розничной торговле запрещено использовать целлофановые пакеты. Проект постановления о запрете подготовил 38 летний Кшиштоф Пёнтковский из ПиС, а городской совет этот проект принял и утвердил. С директоров магазинов, нарушающих запрет, будут взиматься штрафы от 20 до 5000 злотых. (“Ньюсуик-Польша”, 4 ноября)

- Адам Лашин, советник “Гражданской платформы” по СМИ, преподаватель Лондонской школы связей с общественностью, краковской Высшей европейской школы и жешувской Высшей школы информатики и управления: “Представьте себе, что вопрос состоит из нескольких десятков элементов. Как в головоломках (...) Никто не в состоянии охватить его полностью (...) Журналист должен выбрать несколько элементов и сложить их в единое целое (...) Не создавать некую фикцию, а подобрать соответствующие элементы действительности и представить людям”. (“Газета wyborcza”, 29 окт.)

НАШ ДРУГ ЕЛЬЦИН

Ельцин доказал, что русский человек, более того, российский политик и даже российский лидер может быть другом Польши и поляков. На самом деле не кто иной как он демонтировал Советский Союз, подписав с президентами Белоруссии и Украины соглашение о ликвидации СССР в 1991 году. И не побоялся сообщить об этом Горбачеву. С тем чуть инфаркт не случился.

Еще раньше он не побоялся бросить партийный билет. Ельцин был первым российским вождем, который возложил цветы в Катыни и почтил память наших героев. Он дал зеленый свет полякам на пути к геополитической безопасности. Мы благодарны президенту Ельцину. Мало найдется в мире людей, которым поляки обязаны столь многим. Если таких людей и оценивают по достоинству, то чаще всего после смерти. То же самое было и с Борисом Ельциным, хотя даже теперь скептиков, как обычно, хватает. Заслуги Ельцина неоспоримы: для нас, поляков, для нашей части Европы, для всей Европы и всего мира.

Это был человек очень конкретный, он знал, чего хотел, не любил многословия и не застревал на мелочах. Как-то он сказал мне, что мы с ним, пожалуй, немного похожи: оба знаем, чего хотим. И своего добиваемся. Он интуитивно чувствовал и понимал демократию, внутренне он был демократом, хотя мог и кулаком по столу стукнуть. Когда он видел, что нарождающаяся демократия заблуждается, что ее растрачивают впустую, то не колеблясь распустил парламент и применил силу. Это высокая цена за демократию – быть может, слишком высокая. Однако в эти решающие моменты в нем брало верх уважение к принципам демократии. Главное – а это не так уж часто встречается в политике, – что его можно было убедить, на него действовали конкретные аргументы. Мои, пожалуй, он тоже принимал, так как именно с помощью аргументов – иногда припирая его к стенке – я получил его согласие на наше вступление в НАТО и вывод советских войск. Безусловно, он был очень жестким переговорщиком, не сдавал своих позиций с легкостью. К счастью, он умел уступать. В конце концов, он дал себя убедить. Всем известно так называемое варшавское заявление президента Ельцина. В августе 1993 г. я принимал президента России в Польше. Тогда-то первый и единственный раз Россия устами своего лидера

публично признала право Речи Посполитой суверенно выбирать собственный путь во внешней политике и вступать в международные союзы в согласии с нашими государственными интересами. Хотелось бы мне дождаться того момента, когда Россия снова выскажется в том же духе, если учесть, что в настоящее время польские власти не способны договориться с Россией по самым простым, незначительным вопросам вроде экспорта мяса и только обостряют неприязнь.

Нелегко было склонить президента Ельцина к такому символическому историческому жесту. Я использовал много аргументов, старался найти надлежащий подход. Когда казалось, что уже ничего не получится, я перед самым выходом к ожидавшим нас журналистам сказал: “Ну так как, господин президент, неужели вы скажете всему миру, что президент России что-то запрещает независимой, суверенной и демократической Польше?” И он ничего такого не сказал. Мало того, он письменно подтвердил и перед камерами сказал на весь мир, что не имеет ничего против вступления Польши в Североатлантический пакт. В подписанном заявлении, в частности, говорилось следующее: “Президенты затронули вопрос о намерении Польши вступить в НАТО. Президент Лех Валенса разъяснил известную позицию Польши по этому вопросу, что было с пониманием воспринято президентом Борисом Ельциным. В перспективе такое решение суверенной Польши, направленное на развитие общеевропейской интеграции, не противоречит интересам других государств, в том числе России”.

Это были сильные, хотя сегодня уже забытые слова. Ох, не радовались этому в России! Запад, со своей стороны, эту идею не подхватил, и предоставленная нам возможность в то время не была использована. На Западе явно к этому не были готовы. Обстоятельства то и дело заставляли всех врасплох. В России, особенно те, кто был не очень к нам дружелюбен, а таких всегда хватало, пытались отступить от варшавского заявления Ельцина. Сам президент тоже потом метался. Слова произнесены, а со слов-то и начинаются великие дела. Ельцин был человеком чести.

Я хотел бы успокоить тех, кто ищет здесь двойное дно. Моя голова была не крепче головы Бориса Ельцина. Тут я не осмелился бы соперничать. Уверяю вас, я его не споил, как об этом говорили и шептали. Он интуитивно почувствовал, что должен уступить, что такова историческая необходимость. Так что не количество выпитого решило дело, хотя, конечно, вовсе и не помешало! Многие охотно, уже после его смерти, да и

раньше тоже, говорили, что у президента Ельцина была слабость к выпивке. Я могу его понять. Многие люди, оказавшись в политике, заканчивали по-всякому, поддавались они и алкоголизму. Поймите, политика, особенно на таком высоком уровне, как пост президента, – это самый неблагодарный труд. Надо иногда понимать президентов, премьеров. Надо понять и президента Квасневского, что обстоятельства иногда его перерастали и он позволял себе слабость. Человеку на таком посту надо находить какую-то отдушину, оторваться от давления. Это ведь как жизнь на виду у оруэлловского Большого брата, у общества, которое внимательно наблюдает и оценивает. Алкоголь дает временную, но иллюзорную передышку. Нетрудно оказаться в его власти, поддаться слабости. В этом, по-моему, надо искать оправдание. А если у человека еще и врожденный веселый нрав и тяга к развлечению, то может по-всякому сложиться. С точки зрения истории, достижений – такие вещи значения не имеют. Все мы люди и по-разному справляемся со своими человеческими слабостями. Президент Ельцин справлялся неплохо, а закалкой духа и тела, даже во время болезни, не раз давал этому подтверждение. От ошибок, по сути политических, наверное, не уберегся, но ошибок не совершает тот, кто ничего не делает.

Я планировал еще встретиться с президентом Ельциным. Может, выпить с ним по рюмочке. Мне всё казалось, что успею, что наступит подходящее, спокойное время. Оно не наступило, а я не успел. Как официальный представитель Речи Посполитой я прощался с Ельциным в церкви и на кладбище. Прослезился, только когда выражал соболезнования его семье. Мне важно было взглянуть вместе с ним на то, что тогда произошло, спустя годы, уже спокойно, хотя, может, и не без эмоций. При его очень важном участии мы тогда совершили большой скачок к свободе и цивилизации. Это был скачок в новую эпоху. Спустя годы становится еще более очевидной огромная политическая интуиция Ельцина, благодаря которой он опережал других. Он мыслил надолго вперед. Он не боялся критики, трунил над ней и делал свое дело. Не просчитывал всё заранее, хотя был опытным стратегом. Это был крупный и сильный политик. Сегодня таких всё меньше. Он был человеком из крови и плоти. Был нашим другом, другом поляков.

ЧЕМ БОЛЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ

- В октябре прошел первый семинар “Польско-российская школа”, организованный отделением Восточной Европы Варшавского университета и вроцлавской Коллегией Восточной Европы. Неужели Восточная летняя и зимняя школы (см. статью Яна Малицкого в “Новой Польше”, 2007, №3) не удовлетворяют образовательных нужд в этой области?

- Действительно, с 1992 г. Восточная летняя школа приглашает молодых ученых из Центральной и Восточной Европы, занимающихся историей и современностью этого региона, а Восточная зимняя школа дает возможность студентам последних курсов гуманитарных вузов из стран бывшего коммунистического блока и западных государств принять участие в семинарах, встречах и визитах, отвечающих их интересам. В отличие от них, “Польско-российскую школу” интересуют прежде всего отношения между нашими народами и государствами. Мы не делаем вид, что польско-российские контакты свободны от стереотипов и предубеждений. Мы решили изучать их причины и почву, на которой они возникают, ибо лишь тогда можно правильно отреагировать на форму некоторых высказываний в обеих странах.

В “Польско-российской школе” предметом встреч будет история Польши, России, Советского Союза, опыт коммунизма в обеих странах, общественная память о нем, которая влияет на наши будни, определяет наше сознание. Мы будем изучать проблемы, связанные с региональной безопасностью, экономические, а также литературные вопросы.

- Готовы ли к сотрудничеству российские преподаватели?

- Нам ни разу никто не отказал. Из-за очевидных финансовых ограничений российских преподавателей было меньше. Тем не менее профессора из России были. Все они были полонофилами различной степени – от критически настроенных до фанатичных. Я с огромным удивлением обнаружил, что в России даже люди, высказывающие самые критические мнения о польской политике или польских политиках, всякий раз относятся к Польше и полякам с огромной симпатией. Более того, те, кто спорит с поляками о политических взглядах, одновременно причисляют себя к решительным, стопроцентным полонофилам. В связи с этим мы просто не имеем права жаловаться на отсутствие воли к сотрудничеству с

российской стороны. На первую “Польско-российскую школу” к нам приехали четверо преподавателей из России. Был профессор Александр Липатов из Института славяноведения РАН. Он представлял собой тип фанатичного полонофила – трудно было заставить его высказать какое бы то ни было критическое замечание на любую тему, связанную с Польшей. Был также профессор Михаил Тимофеев из Ивановского государственного университета – превосходный исследователь польско-российских отношений на символическом уровне. Был профессор Юрий Доманский из Тверского государственного университета, тоже ярый полонофил, занимающийся современными дискурсами и рок-музыкой обеих стран, выдающийся теоретик литературы. Был, наконец, замечательный культуролог, связанный с Тверью, но в настоящее время работающий в Университете Тампере в Финляндии, – доктор Вадим Чупасов.

– Теперь немного о слушателях. Не были ли требования к участникам школы завышенными?

– Трудно говорить о завышенных требованиях, когда мероприятие проходило впервые. В этом году у нас было мало времени на набор слушателей: набор на занятия, начавшиеся в середине октября, фактически открылся 1 сентября. Кроме того, мы сознаём, что наша школа – лишь одно из очень многих подобных предложений, которые направляют россиянам университетские центры других стран. Нашим большим преимуществом было то, что нас поддержало польское правительство. МИД в рамках программы “Польская заграничная помощь” обеспечил большую часть финансовых средств, благодаря которым школу удалось провести, – а это, разумеется, бюджет, которым университет обычно не располагает.

Если же говорить о критериях, то они не меняются. Мы хотим приглашать людей с высшим образованием, студентов последних курсов, аспирантов. Обычно у них уже есть какой-то журналистский или общественный опыт. Принимая их в нашу школу, мы проверяем, не случайные ли это люди, – в том смысле, сможем ли мы развить в Варшаве, Кракове или Вроцлаве интересующие их темы.

– Ваша школа платная?

– Нет. Более того, мы оплачиваем ее участникам часть путевых расходов. А само участие в работе школы не связано ни с какой оплатой – наоборот, мы стараемся обеспечить нашим слушателям карманные деньги.

- Есть ли какой-нибудь общий принцип: например, что вы принимаете половину слушателей из России, а половину - из Польши? Или это не имеет особого значения?

- Мы были заинтересованы прежде всего в россиянах и изначально планировали, что иностранных слушателей будет больше. Так оно и получилось. Поляки составляли около четверти всех участников. Думаю, отчасти это связано с коротким периодом набора - обычно интерес к подобным мероприятиям среди польских студентов довольно высок. Мы будем стремиться к тому, чтобы в будущем пропорции были более уравновешенными. Мы принимаем слушателей, руководствуясь не национальным признаком, а исключительно критериями пригодности, поэтому трудно сказать, как будет выглядеть распределение по национальностям в нашей школе в дальнейшем.

- Сколько длится один школьный цикл?

- Занятия нашей школы продолжались три недели, но, думаю, мы сократим это время до 14 дней по той простой причине, что в середине учебного года российским участникам легче оторваться от работы или учебы на две недели, чем на три-четыре.

- В информационном буклете было сказано, что на открытии школы присутствовал посол России.

- Нет, посла не было, но был советник польского посольства в Москве Збигнев Жоньца.

- Повлияет ли установление такого контакта - ваше приглашение и желание посольства участвовать - на популяризацию этого начинания в России?

- Это вопрос не ко мне, а скорее к представителям посольства Российской Федерации. Однако я рассчитываю, что наши намерения будут правильно поняты. Надеюсь также, что посольство будет помогать нам хотя бы в распространении информации о нашей школе. Встреча с консулом была очень милой и приятной, несмотря на то что в день открытия и в первые дни работы школы мы пустили в ход "тяжелую артиллерию": были затронуты самые существенные проблемы, такие как исторические споры, катынский вопрос, современные политические разногласия. Мы пришли к выводу, что нет смысла оставлять их "на десерт" и занимать слушателей менее щекотливыми вопросами. О самых трудных проблемах надо говорить сразу. При этом реакция

представителей российского посольства была очень теплой. Поэтому я надеюсь, что начало сотрудничеству положено.

- По общему мнению, отношения между Польшей и Россией сейчас оставляют желать лучшего. Приходилось ли вам сталкиваться с этой проблемой во время работы школы? Не случалось ли вам думать, что некоторые вопросы должны быть решены в ходе двусторонних переговоров и только потом стать предметом серьезной рациональной дискуссии?

- Я уверен, что нет таких областей, о которых должны разговаривать прежде всего политики. Реальные проблемы должны решаться в ходе реальных контактов. Конечно, трасса северного газопровода не зависит от дискуссий молодых ученых. Наша задача – сделать так, чтобы представители молодой элиты, в чье образование мы хотим вкладывать средства, не только высказывали мнения, к которым будут прислушиваться, но и принимали решения. Полученные у нас знания помогут им принимать эти решения, избегая острых углов и конфликтов. Я не предполагаю, что все наши слушатели поголовно будут политиками, но понимание польско-российских отношений и причин их обострения пригодится и на уровне директора школы, завкафедрой, координатора программы в неправительственной организации и т.д.

- Когда начнется следующий школьный цикл?

- В сентябре 2008 года. Вне всякого сомнения каждый год мы будем проводить новую школу.

- Есть ли уже конкретные планы, касающиеся следующей “Польско-российской школы”?

- Планы, конечно, есть. Сейчас мы анализируем результаты работы первой школы, так как хотим, чтобы этот проект был максимально эффективным. Уже начинается подготовка программы следующей “Польско-российской школы”.

- Получили ли вы какие-нибудь отзывы от участников этого научного мероприятия?

- Мы раздали нашим слушателям оценочную анкету. Из ее результатов следует, что недочетов было очень мало, а программа, за которую отвечал я, получила оценку между 4,5 и 5 по пятибалльной шкале. Мне это очень льстит.

Беседу вела Галина Дубик

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Ехала в школу со смешанными чувствами: с одной стороны, был страх оказаться “не в теме” (зачем, скажите на милость, экономисту лекции по истории, политике и культуре), а с другой стороны, тянуло то, что всегда включается при подобных поездках – желание общаться. Ведь, по-моему, это и есть наипервейшая цель подобных школ, курсов и иже с ними, собирающих вместе подчас очень разных людей.

Варшава встретила нас вполне теплой для октября погодой и незагруженной программой. Насмотревшись за утро на дворцы-музеи-памятники и здания времен социализма, после обеда мы погружались в науку. Хотя назвать проводившиеся “круглые столы” сугубо научными нельзя, скорее это было что-то прикладное... Точнее говоря, идеи выступавших профессоров-послов-ученых мы общими силами пытались приложить к действительности, задавая им неоднозначные вопросы. На самих встречах бурных дискуссий не наблюдалось, зато вечерами в отеле, где мы жили, прошедшее обсуждалось с такими эмоциями, что возможность найти какой-либо консенсус не представлялась реальной. Сколько людей, столько и мнений.

Нам повезло: мы не только увидели новый фильм Вайды, но и обсуждали его потом с ним самим. Смотреть “Катынь” было тяжело. Причем у меня осталось какое-то непонятное ощущение собственной причастности к этой трагедии. Из зала выходили молча, на глазах некоторых участниц школы были слезы. На встрече с режиссером вопросам не было числа, особенно хотелось знать, будет ли фильм показан в России.

Большинство участников школы были русскими, что немного расстроило, потому как хотелось пообщаться с польской молодежью. Первым желанием было спросить, почему они начали учить русский, но потом мой интерес переключался в тему “Грамматика польского языка” (из-за этой поездки я пропускала много занятий), и по вечерам кто-нибудь из польских участников терпеливо исправлял мое произношение и ошибки в спряжениях глаголов.

В Краков уезжали рано утром, по дороге попали в маленький мокрый снегопад и уже не надеялись на хорошую погоду. Но в бывшей столице Польши было солнце и легионы туристов.

После встречи с редактором “Тыгодника повшехного” мы тоже стали частью этих легионов. Идешь по Кракову, будто гуляешь в сказке, – кажется, что вот еще чуть-чуть и начнутся приключения. Уезжать совсем не хотелось. Но впереди ждал Вроцлав.

Поселили нас в общежитии, что слегка шокировало после отелей в Варшаве и Кракове. Но, наверно, это и сблизило участников. За все время пребывания не было ни одного вечера, чтобы в общей комнате с телевизором и компьютером (ну куда современная молодежь без Интернета?) не слышали русско-польской речи. Во Вроцлаве с учебой было все серьезно. С утра лекции, потом перерыв на кофе, после семинары, во второй половине дня – мастер-классы. Пожалуй, самым любопытным из всего этого были мастер-классы. Дело не в том, что лекции были скучны, а семинары необходимы только для того, чтобы прочитать подготовленный к школе доклад. Но мастер-классы все же предполагают больше возможностей для создания атмосферы всеобщего любопытства: “А что же дальше?” Мы могли выбирать два варианта из трех: литературная критика и перевод, межкультурная психология и медиа (средства массовой информации). Решив, что пойду на медиа, я долго колебалась со вторым мастер-классом. В итоге получились медиа и межкультурная психология.

На первом мастер-классе мы открывали радиостанцию. Точнее говоря, три группы открывали три радиостанции, учитывали специфику, разрабатывали программы, рассчитывали сетку вещания. Потом должны были отреагировать на предложенную модератором ситуацию, не забывая о концепции своей радиостанции и о законе, регулирующем нашу деятельность. Не обошлось, разумеется, без споров и каверзных вопросов как команды к команде, так и от модератора к командам. Задание было непривычным, чем, собственно, и втягивало.

Таким же нестандартным было задание на межкультурной психологии. Модератор принес два небольших стенда, охапку журналов, клей, фломастеры, ножницы и объявил задание: составить коллаж, представляющий собой образ русского и образ поляка. Таким образом, польские участники трудились над образом русского, и наоборот. Скрипели ножницы, шуршали страницы, маркеры были нарасхват. Межкультурная психология дала о себе знать: столкновение мнений вызвало бурную дискуссию. На протяжении всей школы все обсуждали всё. Это и был связывающий всех момент.

Скажу еще, что время, потраченное мной на эту поездку, было проведено с пользой. Уверена, что полученные знания,

впечатления, возникшие идеи не могут не пригодиться. Кто сказал, что экономист, разбирающийся в истории, политике и культуре, не может стать президентом?

ИЗ КНИГИ «ПОЭМА ОТЪЕЗДА»

Центральный вокзал

Конец свидания

— Отправляемся, конец свидания, — кривляется
поддатый босяк,

передразнивая железнодорожника,

пока тот покорно

свистит со ступеньки вагона.

Ты спросила, сколько у нас осталось времени...

Ровно столько, сколько ты истратила на неравную
борьбу с окном купе.

Нам не преодолеть этот хрупкий,

мерцающий звуковой барьер,

дрожащие наши тени вот-вот с него исчезнут.

Уже не сказать друг другу слов прощания,

мы приговорены к бессвязному лепету жестов,

к немым движениям непослушных губ,

по которым никто

никакого послания не прочтёт.

То, что должно было прозвучать,

так и не будет сказано.

О, жалкая речь тела!

В конце концов, ничего такого:

просто согласие на отсутствие,

отключение органов чувств.

Настигла и нас разлука...

В конце концов, это всего лишь тишина

в поспешно сорванной ночью

телефонной трубке.

И этот отчаянный, вслепую, бег вдоль перрона

шаг в шаг за умирающим пульсом,

и погружение во тьму

медленно гаснущих огней.

— Подайте на билет к больной мамаше —

канючит поддатый бродяга, пошатываясь на путях.

Выхватываю из кармана комок смятых банкнот.

Пассаж I

Забвенье навеет сказку,

память былое отбелит...

Вместо глаз — анютины глазки

или цветы лобелии.

Слова на губах — непокорные,

письмена — ненадёжные.

Свиданья заупокойные,

кончины — увы — не ложные!

Кладбищенские распутья,

иней цветов на надгробье.

И ничего не вернуть нам —

забвение штука строгая.

Камни — глазури волны,

заметь листвы осенней...

Памятью переполнено
моё о тебе забвенье.
Ни стихов посвятить,
Ни жизни. Этого мало.
Забвение в память вместить —
всё, что осталось.

Зал ожидания

* * *

— С тех пор как ты выдавил из себя тот плач,
полный жалости к самому себе, —
говорит мне моя Умершая, —
с тех пор как ты написал те стихи,
якобы обо мне
(впрочем, кто знает, может, и вправду обо мне) —
ты вообще перестал со мной разговаривать...
Может, так и должно быть, —
говорит мне моя Умершая, —
только не знаю, куда девалось всё то,
что было выше слов?
Где холод, где тепло,
где шершавая горечь прикосновений,
вкус и запах дня?
Где вязкая мимолётность снов?
Сухость во рту?
Неукротимость губ?

Деревья шумят над пустотелым камнем,
листья прилепились к онемевшим буквам,
в их шелесте ни звука обо мне.

Есть только неопределённость измены-неизмены,
той — ни твоей, ни моей —
той, вне всякой неверности.

Пожалуй, безразличие деревьев меня огорчает больше,
—
говорит мне моя Умершая.

Пассаж II

— Вы кого-нибудь провожаете?
— Нет, я просто жду.
— Кого-то, кто должен приехать?
— Нет, этот кто-то уже уехал.
— Давно?
— Не очень. Несколько лет назад.
— Не совсем понимаю.
— Я тоже. Это не важно.
— А откуда вы взяли,
что этот кто-то сюда вернётся?
— Ниоткуда... Но всё-таки...

Посмотри наискосок, есть одна точка:
вон там,
где в ослепительной вспышке искр
только что разминулись два поезда, —
там резко высветилась Её тень.

Зал ожидания

* * *

Мы живём вполне,
сердца безрассудны и мелки,
годы — счёт поражений, сумма утрат и потерь, —
об одном просим, Господи, сохрани как единое целое
нас, сумбурных, со всем, что в нас было и есть теперь.
И покуда мы живы, а кровь — в жилах, а мы — плоть
от плоти,
пока ещё бьётся в нас та,
что в рай всегда так хотела,
об одном просим, Господи, вверясь Твоей заботе:
сохрани нас в единстве —
если не места и времени, так хотя бы души и тела.
Нет святых среди нас — пусть хоть все святые об этом
печалются,
будем — грешные — жить, пока в жилах кровь,
а когда уж нельзя будет жить,
сотвори своё чудо, Всевидящий: сохрани нас в памяти
не такими, какими были, но какими хотели быть.

ПОЭЗИЯ БОЛИ

После краткого эпизода соцреалистической ангажированности Анджей Мандальян (р.1926) предпринял в своей поэзии попытку расчета с иллюзиями. В сборнике «Черный ветер» (1957), в стихотворении «Самокритика 1953 года», он писал:

Закаляя порабощённую сталь,
спины горбятя в ежедневном труде,
одолевая за далью даль,
равнодушно проходим мимо людей.

Намекая на книгу из списка для обязательного чтения первой половины 1950-х годов (не только в Польше) — роман Николая Островского «Как закалялась сталь», — поэт в то же время подчеркнул, что большие идеи, в которые поверили люди, отдаляют их от человеческих дел. В этом он был не одинок. После 1956-го критика коммунистической практики привела к возникновению формации, которую в партийных кругах именовали «ревизионистами»: это были молодые люди, еще недавно всецело преданные коммунизму, однако они пересмотрели основы господствующей идеологии, что со временем привело к полному разрыву с ней. К этой среде — относительно весьма активной — принадлежали такие люди, как Лешек Колаковский, Казимеж Брандыс, Тадеуш Конвицкий, Виктор Ворошильский. «Черный ветер» Мандальяна был одним из тех художественных фактов, которые оживляли критическую мысль, побуждали к дискуссии.

В последующий период творчество поэта оставалось в тени, но в последние годы оно зазвучало вновь. «Лоскут савана» (2003) — сборник, продолжающий традицию книги-плача. Книга необычайно точно выстроена, обращают на себя внимание обрамляющие тексты — те, что ее открывают и закрывают. В первом читаем:

Брат мой, Орфей, у нас много лет
Слова-ключи вязнут в горле...
Долго ли ждать у чистилища врат?

Разве можно любить только мёртвых!..

Когда же ангел в свой рог протрубит?..

Скажет Бог: ты мне только снилась.

Это введение в пространство на грани сна и яви, реального и нереального, обретает смысловую рифму в последнем стихотворении, названном «Снам не верь», — диалоге с умершей.

Сознаюсь, при чтении таких стихов я почти всегда робею: не отваживаюсь подвергать их «профессиональной» эстетической оценке: не то чтоб я сомневался в уровне этой поэзии, просто перед эмоциональным зарядом, «заключенным» в таком тексте, чувствую себя беспомощным, а оценку считаю неуместной. Более того — я убежден, что такого рода профессионализм есть нечто заведомо бесчестное, недостойное перед лицом смерти. Я лишь указываю на проблему — тема, безусловно, требует развития. С некоторой опаской — анализируя композицию целого — я все же выделяю «приемы». Один из них — введение завещания «лирического субъекта» в повествование об умирании и смерти «героини» книги. Это завещание — короткая поэма «Запись», рассказ о судьбе «поляка по выбору»:

Я — Гэр, я — армянин, чей герб — лоза,

Чье слово — золото, как Божия роса!

Рассказ — и есть завещание, оставленное живым. Но кроме того есть и особый пункт завещания, адресованный умершей:

Единственной Тебе, из пепла взятой в синь (...)

Тебе, которой всё ничто — и ныне, и всегда,

Вручу сокровище — звезду Полынь.

Последняя книга Мандальяна, «Поэма отъезда» (2007), — это, без сомнения, событие. Скажу честно, именно такой книги я давно ждал. Но предполагал, что она выйдет из-под пера какого-нибудь молодого бунтаря. А она оказалась произведением поэта зрелого, сдержанного. Тут речь не об отказе и отвержении, но об остроте видения и проницательности диагноза, поставленного миру, в котором нам выпало жить. И, как обычно бывает в поэзии, дело не столько в «политичности», сколько в своеобразном сочувствии. Причем поражает способность слить в

повествовании реалистические наблюдения и метафизическую рефлексию: первое кажется более всего сферой молодости, второе — плодом опыта. Том Мандальяна — сплав обеих стихий, и в то же время — с поэтической точки зрения — мы имеем дело с поразительной экономией выразительных средств, своего рода аскезой высказывания.

Так же, как предыдущая книга, это не сборник стихов, а расписанная на стихотворения поэма: на сей раз не эпическая, а рефлексивная. Место: варшавский Центральный вокзал — трактуется здесь и реалистически, и метафорически («Центральный» — заглавие цикла, вписанного в целое; контрапункт к нему — цикл «Зал ожидания»). Время: самая что ни на есть живая современность, однако болезненно затронутая историей. Персонажи — прежде всего «герои» маргинальные — вроде Маньки Скоросвит или бродяжки из стихотворения «Странница с кошками», появляется даже Ясь Гимильсбах, тоскующий по вокзалу «Варшава-Главная». Временами становится небезопасно:

Идут.

Лавиной.

По лестнице.

Шаг в шаг.

От стены к стене.

Снопь бритоголовых.

И по колено — бутсы.

Это обыкновенный мир, но его обыденность ужасает. Ужасает прежде всего сознание того, что жизнь не может уподобиться мечте: «сегодня, под этой сучьей звездой, под чужой луной, / ключ и плач, мир, который оставил меня сиротой» («Все мои умерли»). Это мир (не)сбывшейся любви, мир случайных встреч и расставаний, полный мрачных закоулков. При этом всё здесь заключено в скобки иронии — потому что, как в стихотворении «Вот он, тот перрон, с которого скоро уеду», опыт отмечен ощущением бренности, знанием о том, что это «жизнь вполнакала». В повествовании Мандальяна — экономном, свидетельствующем об исключительном языковом слухе — сосредоточен покой, здесь полностью отсутствует драматизм, как в словах, завершающих книгу:

сотвори своё чудо, Всевидящий: сохрани нас в памяти

не такими, какими были, но какими хотели быть.

РУССКИЕ ДЕЛАЮТ КАРЬЕРУ В ПОЛЬСКОМ ТЕАТРЕ

На европейских сценах произошла в последние годы смена караула. Вслед за волной британского брутализма, который щедро потчевал зрителей сценами поедания глаз, изнасилования с помощью отвертки, а также зрелищем действующих лиц, которые “затаривались и трахались” (так можно попытаться перевести название пьесы Марка Равенхилла “Shopping and fucking”), пришел черед еще более смертоубийственных идей и замыслов. Изменилось только происхождение драм. Место британцев заняли русские, большинству из которых даже не стукнуло тридцати. Они получают приглашения на престижные фестивали, а их произведения не сходят с афиш по всему миру. Пьесы Ивана Вырыпаева, Василия Сигарева, Олега Богаева, Максима Курочкина, братьев Пресняковых можно посмотреть в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Канне или Нанси. Богаева отметили российской премией “Анти-Букер”. Сигарев оказался первым иностранцем, ставшим лауреатом премии английской газеты “Ивнинг стандарт”, которую он принимал из рук Тома Стоппарда. Вырыпаев получил премию, в частности, на фестивале современной драматургии в Гейдельберге.

У всех этих драматургов за плечами советский опыт, но вырастали и созревали они уже в период рыночных перемен, захлебываясь свободой, которая быстро оказалась заменой одного зла другим. Написанные ими драмы кишат смурными чудилами и теми униженными людьми, которые не нашли себя в новом порядке. Кажется, будто эта драматургия не внесла ничего такого, чего не найти в британском брутализме. Однако между ними – громадная разница. Английские пьесы на фоне русских претят и коробят своей литературностью. Они кажутся надуманными – как будто дети из богатых домов искали, от чего бы им оттолкнуться, а потом поиграли минутую другую в насильников и извращенцев, чтобы тут же скоренько вернуться в свои элегантные ливинг-румы и удобно рассестись там. А в России придумывать ничего не надо. Темы приходят сами, чаще всего – в виде трагикомедий. Именно это погружение в конкретность, в реальные факты на самом деле и составляет отличительную черту русских драм.

Разрыв между обеими этими традициями хорошо виден, например, в подходе к методу “вербатим” (от лат. *verbatim* – дословно), в соответствии с которым театр должен документировать действительность. Сначала определяется тема будущей пьесы (к примеру, проституция, беженцы из Чечни, больные СПИДом, террористические акты), а потом ищется группа респондентов, с которыми надлежит провести соответствующие беседы и записать их на пленку. В Англии эти интервью служат для автора только отправной точкой, они подвергаются переработке, к ним добавляются новые сюжетные линии. А русские монтируют драмы исключительно из материалов-первоисточников и ничего не дописывают от себя. Им этого не надо.

Говорят, что отцы-основатели новой российской драмы – Николай Коляда и Владимир Сорокин, который у нас в Польше известен главным образом как прозаик. Пьесы Сорокина (в частности, “*Dostoevsky-trip*”, где фамилии великих писателей – это названия наркотиков, что представляет собой блистательную метафору интеллектуального пресыщения) стали для молодых деятелей русского театра образцом формальных исканий и нового языка. Зато в деле поднимаемой тематики вдохновителем для них послужил Николай Коляда, который руководит факультетом драматургии Екатеринбургского университета. В своих драмах (в Польше наиболее известны “Мурлин Мурло” и “Сказка о мертвой царевне”) он поднимает важные общественные вопросы и исследует зоны, которые писатели до сих пор обходили, а девизом своего творчества сделал слова Салтыкова-Щедрина: “Жизнь наша похожа на солянку в придорожном трактире. Пока хлебаешь всё подряд – ничего, сойдет, а начнешь рассматривать супец – с души воротит”. Именно таковы современные русские драмы – погруженные в действительность, но, если в ней покопаться, она оказывается такой брутальной, что показать ее напрямую было бы невыносимым. Отсюда же вытекает увлечение словесными играми, гротеском и черным юмором – но перед нами отнюдь не элитарное искусство, а разновидность популярного театра, который вместе с тем поднимает болезненные вопросы, потому что, как говорит Василий Сигарев, “больно должно быть всем”.

Новые драмы глубоко укоренены в традициях русской литературы. В них явственно слышны отголоски несостоявшихся героев Чехова, лишенных воли к действию, картина отсталости напоминает павших на дно героев Горького, сатира, сочетающаяся с философствованием, – это

отчетливое влияние Булгакова, а ритмичный, полный парадоксов язык взят у Маяковского. Отнюдь не беспричинно видный российский критик Павел Руднев сравнил эту общественно активную современную драматургию с расцветом русского театра в начале XX века.

И что любопытно, постановка этих произведений в польских театрах становится следствием их успеха на Западе. В начале 1990-х в Польше к русским драмам обращались не очень-то охотно. Разумеется, это было связано с долгими годами принудительного присутствия советских пьес в репертуаре. Переломом в популяризации современных русских драм оказался обзорный цикл “Saison russe” (“Русский сезон”) в гданьском театре “Выбжеже” (“Побережье”) в 2003 году. С того времени по существу каждый месяц на подмостках польских театров появляются пьесы с Востока. Несколько месяцев назад в Польше состоялась даже мировая премьера “Круговой обороны” Владимира Зюева – в лодзинском театре им. Ярача. Этот грубый, не чурающийся сильных средств спектакль поставила Малгожата Богаевская.

– Пьеса затрагивает вопрос психических травм солдат, возвращающихся с чеченской войны, – вопрос настолько болезненный, что в России ни один театр не отважился её поставить, – говорит Агнешка Любомира Пётровская, переводчица современных русских пьес.

Несмотря на то, что эти драмы ставят у нас часто, пока преобладают “нишевые проекты” и спектакли, играющиеся на камерных сценах. Исключением стал бескомпромиссный “Пластелин” Василия Сигарева в быдгощском Польском театре, где режиссером был Гжегож Висневский. И пьеса братьев Пресняковых “Изображая жертву” в варшавском Современном театре (“Вспулчесном”) в режиссуре Мацея Энглерта – пьеса, которую иногда называют современной версией “Гамлета”. А наибольший успех на наших сценах выпал на долю Ивана Вырыпаева, который создает ритмически организованные композиции, со вкусом развлекается стилистикой и языком, находит удовольствие в словесных играх. В “Кислороде”, поставленном в Польше уже пятикратно, ему удалось соединить язык Библии с рэпом. В ближайшее время за драматургию Вырыпаева возьмется один из самых интересных польских режиссеров молодого поколения Михал Задара, который во вроцлавском Современном театре подготовит спектакль “Бытие-2” с Марией и Яном Пешеками – шизофренический вариант библейской книги, соединенный с выступлением уличного оркестра.

Откуда берется популярность этих произведений, действие которых разыгрывается чаще всего в захолустных дырах где-то на краю света, а героями являются отбросы общества?

“Режиссеры охотно обращаются к этой драматургии, потому что она – настоящая, прочно укорененная в европейской культуре и при том замечательно написанная”, – утверждает Агнешка Любомира Пётровская. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

РЕПАТРИАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

- Репатриация из Казахстана началась в 1996 году...

- Первым понастоящему важным правовым актом стало решение правительства о принятии принципов государственной политики в деле репатриации. В то время было решено, что в 1996 г. в Польшу будут доставлены 50100 польских семей из стран бывшего СССР. 1996 год рассматривался как испытательный срок, предназначенный для накопления опыта, проверки функционирования процедуры репатриации и оценки количества тех, кто в ней заинтересован.

- А через год вступил в силу новый закон об иностранцах...

- Этот закон вступил в силу в конце 1997 года. Он ввел понятие репатриантской визы, а также установил порядок и принципы её выдачи. Было принято решение, что такую визу могут получить только лица польской национальности или польского происхождения, которые намерены навсегда переселиться на “историческую родину”. Необходимым условием для получения такой визы было также наличие в Польше гарантированного жилого помещения и постоянного источника средств к существованию.

- Тем самым не все обладали равными шансами...

- В 1999 г. наше правительство дало подробное определение принципов, форм и порядка оказания помощи репатриантам из бюджетных средств государства. Через два года вступил в силу новый закон о репатриации, ограничивший сферу ее действия исключительно азиатскими частями бывшего СССР и охвативший лиц польской национальности и польского происхождения, а также их потомков, которым ранее по политическим причинам не удалось выехать из СССР и которые до вступления данного закона в силу жили на азиатских территориях бывшего СССР. В соответствии с этим законом первыми получали возможность поселиться в Польше те лица, которых там в свое время преследовали по национальным или политическим соображениям, иными словами, ссыльные и депортированные, а также их потомки.

- Как выглядело возвращение на лоно “исторической родины”?

- В 1996–2000 гг. репатрианты прибывали в Польшу по приглашению гмин, а также юридических и физических лиц, которые были в состоянии обеспечить им жилье и помощь в течение первого периода пребывания. Однако, принимая во внимание отрицательный опыт работы с приглашениями от физических лиц, фиктивные жилищные гарантии, которые они давали, и частые отказы от взятых на себя обязательств, закон о репатриации ввел требование нотариальной формы для предоставления ручательства о гарантированном обеспечении условий переселения. Кроме того, этот закон ограничивал круг физических лиц, которые могут направлять такие приглашения.

- А как обстоят дела с теми, кто не располагал надлежащими условиями для поселения в Польше?

- Если эти лица не располагали в Польше жильем и средствами к существованию, но удовлетворяли всем иным требованиям для предоставления репатриантской визы, то они получали от консула официальное обещание выдачи такой визы. Эти лица дополнительно регистрировались в базе данных “Соотечественник”, которую поддерживало Управление по делам репатриации и иностранцев. В этой же базе находились и так называемые открытые приглашения гмин, которые не являлись именными и не адресовались конкретным лицам, ожидающим репатриации. Тем самым указанная база позволяла сводить воедино семьи, располагающие визовым обещанием, с предложениями гмин.

- Какие еще существовали возможности получить статус репатрианта?

- Те, кто поселился в Польше до вступления в силу закона о репатриации, могли получить статус репатрианта от воеводы [то же, что в России губернатор]. Все лица, признанные репатриантами, приобретали права на пенсии и пособия.

Были также установлены принципы финансовой поддержки гмин, принимающих репатриантов.

Ежегодно финансовые средства на репатриантов получало и министерство образования и науки. Они предназначались на организацию курсов адаптации и польского языка для репатриантов и членов их семей. Средства на организацию курсов польского языка для лиц, уже получивших визовое

обещание, а также на покрытие – в обоснованных случаях – транспортных издержек по переезду репатрианта и его семьи в Польшу получали также консулы через МИД.

- Насколько значительным оказался интерес к репатриации в страну предков?

- В 1997 г. репатриационное производство начали 337 лиц, и это число систематически росло. Больше всего заявлений – в общей сложности 1070 – поступило в 2002 году. Затем это количество начало постепенно уменьшаться. Так, в 2003 г. оно снизилось до 301-го, а в 2005-м – до 473-х. Всего же за 1997–2005 гг. было подано 4518 заявлений, охватывающих примерно 5700 лиц, включая несовершеннолетних детей.

- Сколько из этих заявлений удалось удовлетворить?

- В течение упомянутого периода было выдано 1928 репатриантских виз, охватывающих примерно 2600 человек. Таким образом, степень удовлетворения заявлений составила примерно 42%. Учитывая, однако, количество студентов и лиц, которые получили статус репатрианта на основании решения воеводы, общее число репатриированных составило примерно 4400 человек. Принимая во внимание трудности с получением приглашений от гмин, порожденные высокой безработицей и недостатком муниципальных квартир, это было большое количество.

- Включились ли в деятельность по репатриации общественные организации?

- С инициативой помощи репатриантам из Казахстана выступили, в частности, Дома социальной помощи. В первом из них, Доме репатрианта в Сырковицах под Бялогардом, которым управляет Фонд Кольпинга^[1], а руководит свящ. Б.Евульский, поселилось 24 человека. Во втором – Доме социальной помощи в Кракове, на Солтысовской улице, – нашли свое место 23 пенсионера из Казахстана.

Добавлю еще, что большинство заявлений с просьбой о выдаче репатриантских виз поступало от лиц, не обладавших в Польше гарантированными условиями для поселения, т. е. не располагавших ни квартирой, ни работой. Были и такие случаи, когда визовые заявления подавали лица, которые по различным причинам, например вследствие преклонного возраста или успешно процветающего бизнеса, вовсе не намеревались репатриироваться из Казахстана. Заинтересованность в получении решения о польском

происхождении они проявляли скорее из сентиментальноэмоциональных побуждений. Часто их нерешительность проистекала из сообщений прессы о трудном социальноэкономическом положении в Польше и об улучшении условий жизни в Казахстане.

- В Польшу хотели также возвращаться люди, заключившие смешанные браки...

- Репатриации в Польшу добивались также жители небольших населенных пунктов со средним профессиональным образованием и с семьей численностью в 3-4 человека, где происхождение одного из супругов зачастую не было польским, причем чаще всего это лицо было безработным. Это были, главным образом, польсконемецкие семьи, которые ранее уже репатриировались в Германию, и только некоторым из них удалось доказать польское происхождение.

- Каким образом выглядят первые месяцы репатриантов на “исторической родине”?

- По приезде в Польшу переселенцы из Казахстана обычно сталкивались со сложными социальными вопросами. Это были главным образом типичные экономические трудности: отсутствие работы для коголибо из членов семьи, а часто - профессиональная деградация и необходимость браться за низкооплачиваемую работу. Безработица среди репатриантов приводит к тому, что они располагают лишь незначительными финансовыми поступлениями, и это делает их материальное положение трудным.

В такой обстановке большое значение для адаптации и ассимиляции репатриантов в польском обществе имеет наше отношение к ним - по месту их жительства и новой работы. Равно как и произнесенное с амвона “доброе слово” настоятеля в сочетании с доброжелательностью местных властей, которые смягчают столкновение с нелегкими реалиями “исторической родины”.

- Стало быть, нужны пробные программы?

- С признательностью можно, например, отметить разработку в 2005 г. варшавской городской администрацией четко нацеленного проекта по преодолению проблем адаптации репатриантов из Казахстана. Уже само название этого пилотного проекта: “Легкое трудное начало” - носит точный, прозрачный и ободряющий характер.

В проекте говорится о спокойном, рациональном и не порождающем стрессов подходе к тем вопросам, которые особенно трудны для репатриантов. В нем предлагается более ранний приезд в Польшу главы семьи, готовящейся к репатриации, отыскание ему работы по профессии, соответствующей его образованию, совершенствование языка, ознакомление с польской культурой и традициями, а также налаживание контактов. Такое пробное пребывание в Польше должно продолжаться шесть месяцев и помочь заинтересованному лицу в принятии окончательного решения по вопросу репатриации.

Эта программа – самая позитивная попытка ответа на конкретные и жгучие социальнополитические нужды, сделанная органом территориального самоуправления и его социальными службами. Она может также послужить примером и точкой отсчета для других социальных, политических или административных учреждений и организаций в деле эффективного решения сходных проблем.

На практике для преобладающего большинства репатриантов переселение в Польшу, отъезд на постоянное жительство на “историческую родину”, означает фактически “пересаживание с корнями” в совершенно новые реалии, с которыми не все они умеют самостоятельно справиться.

Нынешняя репатриация – не простое продолжение репатриации послевоенной. Ее основное отличие состоит в разнице между возвращением в собственную страну – и приездом новых поколений поляков, родившихся и выросших уже за рубежом. Сегодняшние репатрианты – это во всей своей массе не те, кто возвращается, но те, кто приезжает в страну своих предков. Люди, репатрирующие на родину, сейчас представляют собой по большей части второе или третье поколение “поляков с Востока”, родившихся в другой стране, с которой их связывает весь жизненный опыт. В результате даже для самых пожилых из их числа – тех, кого именуют старейшинами, – современная Польша представляет собой уже совсем новую страну.

Беседовал Лешек Вонтрубский

1. Адольф Кольпинг (1813–65) – немецкий священник, которого называли отцом подмастерьев; основатель “Kolpingsfamilie” (“Семей Кольпинга”) – католических содружеств молодежи из среды ремесленников, ставивших перед собой такие цели, как дополнительное профессиональное обучение, а также

формирование ответственных граждан и верующих прихожан.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Осенью на нас посыпался дождь всевозможных юбилеев, торжеств и приемов. 8 октября, накануне своего 86 го дня рождения, Тадеуш Ружевич стал почетным доктором вроцлавской Академии художеств. По этому случаю на полках книжных магазинов появился авторский сборник стихов “Учиться ходить” с двадцатью рисунками Эугениуша Гета-Станкевича, выпущенный издательством “Бюро литерацке”. Благодаря академии за присвоенную степень, поэт сказал: “Я любил, люблю и буду любить художников. Художники для меня были и остаются волшебниками, а их мастерские – магическими местами”.

• 23 октября Лешеку Колаковскому исполнилось 80 лет. На свой юбилей знаменитый философ приехал из Оксфорда в Польшу. Университет, из которого Колаковский был некогда уволен за участие в мартовских событиях 1968 г., теперь наградил его медалью “За заслуги перед Варшавским университетом”. Родной город Радом удостоил его медали “Bene Merenti”, а редакция “Газеты выборчей” устроила в честь юбиляра прием, на котором его голову венчала императорская корона. Прогремела “Многая лета!”, а живущая в Польше украинская певица Олена Леоненко спела профессору попури из баллад Окуджавы, русских романсов и песен Агнешки Осецкой. Адам Михник произнес в честь юбиляра речь. “80 лет – это такой возраст, в котором многие философы уже остепеняются, – сказал главный редактор “Газеты выборчей”. – Лешека Колаковского я в этом не заподозрю. В нем всегда будет жить мятежный дух, а его глаза будут по-прежнему устремлены на Эразма Роттердамского. Эразм был не просто проницательным мыслителем – он еще и любил любить людей. В этом ему подобен и Лешек Колаковский, философ и писатель, которого мы уже давно причисляем к величайшим мастерам в истории польских гуманитарных наук”.

К юбилею Колаковского в издательстве “Знак” вышла книга “Интересное время, тревожное время”, в которой философ рассказывает о своей жизни Збигневу Менцелю. Это первая часть книги – интервью, дошедшей пока до 1968 года. С самого начала Лешек Колаковский предупредил: “Мы не будем говорить о моих родителях. Я очень привязан к своим

покойным близким”. Кроме того он добавил, что не намерен говорить о том, кто с кем спал.

Беседой Менцеля с Колаковским очень недоволен журналист газеты “Жечпосполита” Кшиштоф Маслонь. В статье “Не видел, не знал, не помню” он резко раскритиковал обоих, утверждая, что Менцель позволил своему собеседнику говорить “всё, что ему взбредет на ум, трудных вопросов не задавал, ни с чем не полемизировал, ничего не исправлял, зато не жалел комплиментов. В результате книга получилась жеманная, полная уклончивых ответов, местами раздражающая”. Больше всего раздражил Маслоня тот факт, что Колаковский, по его мнению, слишком мало сказал о свое коммунистическом прошлом. Лично мне кажется, что сказал он вполне достаточно, но суровый критик “Жечпосполитой” явно хочет отправить философа в угол, чтобы он еще немного постоял на горохе.

- В октябре министр культуры освободил Фердинанда Рушица от должности директора варшавского Национального музея, и тот уже не успел открыть важнейшую выставку этой осени – “Золотой век фламандской живописи. Рубенс, Ван Дейк, Йорданс... 1608–1678”. Представленные на ней произведения привезены в основном из Вены и Касселя, а также из польских собраний. Выставка продлится до конца декабря. Картины расположены согласно принятой в XVII веке иерархии художественных жанров – от религиозной, мифологической и аллегорической тематики до парадных и камерных портретов. Один “Пьяный Силен” Рубенса стуит того, чтобы пойти в музей, а не менее прекрасных полотен еще больше восьмидесяти. В последний раз выставка такого ранга прошла у нас десять лет назад, когда фламандская живопись золотого века была показана в варшавском Королевском замке.

- Коль скоро речь зашла о замке – до середины января здесь открыта выставка “От Лютера до Баухауза. Искусство и сокровища культуры из немецких музеев”. Экспонаты прибыли в Варшаву из восточных земель Германии, а ранее выставка побывала в Бонне, чтобы открыть немецкому обществу глаза на то, какие великие забытые сокровища таят в себе музеи бывшей ГДР. Посетители могут увидеть, в частности, Библию и 500 летние пропагандистские издания, портреты Мартина Лютера и его жены кисти Кранаха Младшего, картины Менгса, Мунка, Кандинского, а также скульптуры и искусно выполненные ювелирные изделия. Есть также предметы, связанные с Польшей, – например, сабля, некогда принадлежавшая королю Стефану Баторию. Наряду с

произведениями искусства на выставке представлены также предметы повседневного обихода, научные приборы и препараты, минералы и диковинки из барочных кунсткамер.

- В Кафедральном музее на Вавельском холме с 7 ноября по 6 декабря была открыта выставка “Истоки духовной культуры Кракова”. Среди экспонатов – редко выставляемые и даже впервые показанные предметы огромной исторической ценности, в частности копия копья св. Маврикия, подаренная в 1000 г. Болеславу Храброму императором Отто III, а также крест с одной из украшенных драгоценными камнями княжеских корон, сделанных в XIII в. для князя Болеслава Стыдливого и св. Кинги. Однако ядро экспозиции – это средневековые рукописи, пергаменты и печати из собраний краковского Кафедрального капитула.

- III Фестиваль польской музыки в Кракове прошел под знаком редко исполняемых или забытых произведений серьезной музыки – от Ренессанса до современности. Меломанам представился случай услышать, в частности, сочинения Эмиля Млынарского, Роксанны Пануфник, Павла Мыкетина, Анджея Чайковского и Тадеуша Байрда, Шимановского, Пендерецкого и Гурецкого. А среди исполнителей были британский скрипач Найджел Кеннеди, Польский камерный оркестр под управлением Яцека Каспшика и оркестр “Sinfonietta Cracovia” под управлением американского дирижера Джона Нила Аксельрода.

- В ноябре вышел в свет сборник произведений Анны Ахматовой “Путем всея земли. Стихи. Проза. Драматургия” в переводе и под редакцией Адама Поморского, который снабдил книгу обширным послесловием “Анна Всея Руси”, а также многочисленными комментариями и примечаниями. Эта самая обширная подборка творчества поэтессы, изданная на польском языке. Том содержит приблизительно треть стихотворений из семи ее сборников, а также неопубликованные при жизни стихи. “Во всех случаях была восстановлена авторская редакция, не исковерканная цензурой”, – заверяет переводчик. Книга издана Научным и литературным издательством “Oren” при поддержке Фонда современного искусства. (Рецензию на это издание и отрывок из послесловия переводчика читайте в следующем номере.)

- “Библейский возраст и смерть” – так называется последняя, неоконченная книга Густава Герлинга-Грудзинского. Рассказ, найденный семьей умершего семь лет назад писателя в его бумагах, вышел в Выдавництве литерацком (Литературном издательстве) под редакцией и с послесловием Влодзимежа

Болецкого. Его подзаголовок “В ожидании черного облака” отсылает читателя к цитате из “Одиссеи”: “И ничто бы / Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого / Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти”. Над рассказом о человеке, который не может умереть, о глубоком старике из итальянского региона Арбуццо, Герлинг-Грудзинский работал до последних дней своей жизни. В его книге звучат также тема зарождения итальянского фашизма и еврейская тема, включены в нее и автобиографические элементы. Текст дополняют фотографии из архива автора и неаполитанской семьи Кроче, а также марки, открытки и пропагандистские плакаты 30-х годов, прославляющие фашистскую армию и Муссолини.

• Уже в шестой раз присуждена литературная премия им. Юзефа Мацкевича, всегда вручаемая 11 ноября, в День независимости. В этом году лауреатом премии стал свящ. Тадеуш Исакович-Залеский, автор выпущенной издательством “Знак” книги “Священники и госбезопасность на примере Краковской архиепархии”, которую считают спорной не только церковные иерархи. В своей Залеский занялся темой слежки госбезопасности за духовенством во времена ПНР и различного, не всегда героического поведения священников, на которых оказывали давление “органы”. Лауреат – священник Краковской архиепархии, в годы ПНР связанный с Центром пастырского окормления трудящихся в Новой Гуте. В 80-е годы он был дважды тяжело избит “неизвестными преступниками”.

Поощрительные награды получили: Станислав Сроковский за роман “Ненависть”, повествующий о преступлениях украинских националистических формирований против поляков и евреев в 1939–1945 гг., а также Адам Велёмский за работу “Испания Франко”.

Премию присуждает жюри под председательством Марека Новаковского. В прошлом году прозаик Казимеж Орлось, племянник Юзефа Мацкевича, вышел из состава жюри, мотивируя это антисемитскими высказываниями, неоднократно встречавшимися в публицистике другого члена и секретаря жюри – Станислава Михалкевича.

• Премия газеты “Жечпосполита” им. Ежи Гедройца вручалась в этом году в седьмой раз. Ее лауреатом стал живущий в Берлине украинский политолог и советолог проф. Богдан Осадчук, известный как горячий поборник польско-украинского примирения. Похвальное слово произнес прошлогодний лауреат проф. Ежи Помяновский, главный редактор “Новой Польши”: “Богдан Осадчук заслуживает благодарности и наград

уже хотя бы потому, что он едва ли не первый увидел в концепции Гедройца и Меровского по-прежнему важный указатель для европейской восточной политики, – сказал Помяновский. – Чту дает независимость самой Украине, уже не требует объяснений. Чту украинская независимость дает Польше, многие уже видят – особенно те, кто всерьез заботится об энергетической суверенности и о том, чтобы засыпать разделяющую нас пропасть, в которую утекло столько польской и украинской крови. Европе она дает соседство – за польской восточной границей – с двумя политическими субъектами вместо одного, хорошо известного по недавнему прошлому. России же она дает свободу от искушения экспансией, которая обычно заканчивается пагубной конфронтацией. Даже если на смену огнестрельному оружию приходит природный газ. Наш друг Богдан потратил полжизни на то, чтобы объяснить чужим, особенно немцам и швейцарцам, как важны эти простые истины. Своим же он помог осознать, что если кто-то и хочет господствовать над Украиной, то никак не Польша. Теперь он напоминает нам, что соглашение с Россией нам необходимо – лишь бы только не за счет Украины. Поблагодарим же его за это еще раз от всего сердца”.

Ежи Помяновский сообщил присутствующим, что хотя профессор Владислав Бартошевский и вышел из состава жюри премии, он с радостью воспринял новость, что она досталась Богдану Осадчуку, и поздравляет членов жюри с таким выбором.

О решении Владислава Бартошевского мы узнали из его интервью “Газете wyborczej”. Известный польский историк, общественный деятель и политик, дважды занимавший пост министра иностранных дел, сказал, в частности, что вышел из состава жюри, так как сегодня газета “Жечпосполита” представляет собой нечто совершенно иное, нежели в тот момент, когда эта премия учреждалась. По мнению проф. Бартошевского, политическая линия газеты совершенно не соответствует помыслам Ежи Гедройца. “По-моему, „Жечпосполита” – это просто рупор одной партии, той самой, которая как раз проиграла выборы, – сказал Владислав Бартошевский. – Впрочем, это не имеет значения: если бы она победила, я поступил бы точно так же. „Жечпосполита” сменила все свое политическое руководство и приняла программную линию „Права и справедливости”. Эта линия как во внутренней, так и во внешней политике совершенно чужда открытым консервативно-либеральным взглядам Гедройца”.

“Я знал Гедройца лично, – добавил проф. Бартошевский, – знал его взгляды, долгие годы сотрудничал с „Культурой” и „Зешитами хисторичными”. У меня есть основания полагать, что я знаю о Гедройце больше, чем нынешнее руководство „Жечпосполитой”. Я это руководство не критикую, а лишь констатирую, что наши пути разошлись”.

• “Катынь” Анджея Вайды отвергнута отборочной комиссией Венецианского кинофестиваля – об этом сообщил на страницах итальянской газеты “Иль соре 24 оре” Франческо Каталуччо, друг Густава Герлинга-Грудзинского, неоднократно тепло упоминаемый в “Ночном дневнике” и очень доброжелательно относящийся к польской культуре и полякам. Знаток и переводчик польской литературы счел, что члены комиссии, должно быть, были слепы, если не разглядели этот “прекраснейший шедевр”. Каталуччо подчеркнул, что “Катынь” – один из лучших фильмов Вайды, “лишенный риторики и ненависти к убийцам”. Эту информацию передало Польское агентство печати, а затем подхватили (не скрывая своего разочарования решением итальянского жюри) многочисленные польские СМИ. Страсти разгорелись и на интернет-форумах. По словам Каталуччо, отборочная комиссия “Mostra di Venezia” получила копию “Катыни” в июле. Тогда ее члены сошлись во мнении, что это фильм “очень польский” и малопонятный широкой публике, хотя и согласились, что финальная сцена казни великолепна и что это “великое кино”.

Однако Польский институт киноискусства опроверг эту информацию. “Катынь” не могла быть отвергнута, так как не была нигде заявлена. Ее мировая премьера запланирована на 2008 год.

“Повторение и раздувание ложной информации, причем нами же самими, – это действия себе во вред, гол в свои ворота, который может только помешать возможной мировой карьере фильма Вайды. К сожалению, это свидетельствует об атмосфере национальной закомплексованности, в которой мы продолжаем жить. Мы охотимся за каждым мельчайшим сообщением о том, что кто-то нас отверг или обидел”, – подвел итог неприятному инциденту критик “Газеты wyborчей” Тадеуш Соболевский.

• В ноябре в варшавском Национальном театре прошел фестиваль Ежи Яроцкого, организованный по случаю 50 летия творческой работы этого выдающегося режиссера. Зрители вспоминали, в частности, ставшие уже легендарными телеспектакли “Мать” Станислава Игнация Виткевича и

“Кетхен из Гейльбронна” Генриха фон Клейста, а также авторские спектакли Яроцкого: повествующее о Виткации “Погребение” и “Историю ПНР по Мрожеку”.

Получив актерское образование в Кракове, Яроцкий отправился в Москву учиться на режиссерском факультете.

“Мне перестало хватать актерства, хотя, говорят, я был многообещающим актером, – вспоминал режиссер в беседе с Иоанной Деркачев. – В ГИТИСе я не хвастался тем, что в 19 лет сыграл Ленина в „Семье” у Лидии Замков. Там роль Ленина получали только самые лучшие и заслуженные актеры. Поэтому из актера я превратился в режиссера. Но зато перед своими актерами я часто ставлю парарежиссерские задачи. В „Любви в Крыму” Мрожека Ян Фрыч, играющий Захедринского, непрестанно священнодействует, управляет, поучает, провоцирует у других поведение, согласующееся с его пониманием русского духа. В данном случае это русский дух, прочтенный через чеховский код. Это значит, что самовар должен появиться в нужное время, что к чаю должны подать варенье, что в сумерках будут петь песни под гитару, а три сестры Прозоровы никогда не уедут в Москву”.

“Когда я смотрю спектакли Яроцкого, – написал в свое время Тадеуш Ломницкий, – я чувствую себя так, словно неожиданно получил стипендию и уехал из страны повседневности на родину театра. Для меня в этом окружавшем меня трехгрошовом мире, в его духовной замусоренности театр Яроцкого словно протирал закопченное стекло, сквозь которое можно было наконец что-то увидеть”.

Мы по сей день помним прежние замечательные спектакли Яроцкого: “Брак” Гомбровича, “Жизнь есть сон” Кальдерона, “Мою доченьку” Ружевича, “Фауста” и “Платонова”. И продолжаем ждать новых.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В ноябре в варшавском Дворце культуры и науки прошел показ советского и российского кино. Показаны были не только современные фильмы, но и такая классика, как “Броненосец Потемкин”, “Веселые ребята”, “Сталкер”. Когда я это пишу, мне в голову приходит вопрос: как в странах, возникших после распада Советского Союза, отделить то, что в сфере культуры составляет традиции чисто русские и российские, от их собственных национальных традиций. Но это, разумеется, тема для обширного исследования. Пока что займемся тем, что происходит в наше время, причем вовсе не обязательно становится преходящим. Тот факт, что многие годы спустя в Польше был организован такой показ, выглядит не просто одним из многих варшавских культурных событий, а чем-то позначительней. В свое время всех нас – а в особенности школьников, которых толпами загоняли на сеансы, – мучили “днями советского кино”, регулярно приходившимися на очередную годовщину большевистского переворота. Обычно показывали пропагандистско-идеологические картины, однако случалось – я это отлично помню, – что молниеносно распространялись слухи о фильме, который “обязательно надо посмотреть”, и тогда зал бывал набит битком. Так было хотя бы на картине Шукшина “Печки-лавочки”, которую я посмотрел в Центре советской культуры – единственный раз, что я побывал в этом заведении.

В статье “Хэппи-энда нет” (“Пшекруй”, 2007, №45) Ярек Шубрихт пишет:

“Российская кинематография работает на полных парах. В стране снимается свыше ста кинофильмов в год, и у некоторых бюджет сравним с голливудским. И доход они приносят не меньше голливудского! „Ночной дозор” Тимура Бекмамбетова только в России в 2004 г. заработал свыше 24 млн. долларов, а снятое двумя годами позже продолжение, „Дневной дозор”, – в два раза больше. Отличными результатами может похвалиться и Федор Бондарчук: его „9 рота” принесла 25 млн. долларов дохода. На пять миллионов меньше заработала фэнтези Николая Лебедева „Волкодав из рода Серых Псов”. Неизвестно, принесло ли это удовлетворение ее создателям: съемки

приключений праславянского воина, подружившегося с плюшевой летучей мышью, обошлись в 30 млн. долларов. Тем не менее любовь российского зрителя к фантастическим мирам остается фактом, и наибольшим успехом сейчас пользуются фильмы, бегущие от описания действительности. Правда об окружающем нас мире для многих российских граждан слишком сложна, чтобы они хотели – и умели – ее понять. Отсюда такое огромное в последние годы развитие сект на территории бывшего Советского Союза, отсюда такая любовь к магическому реализму в кино, книгах и по телевизору”.

Как видно, Шубрихт, прежде чем перейти к анализу и оценке российского кино, решил ознакомить польского читателя с социальным фоном и, в согласии с рецептом, подсказанным стереотипами, изображает российских зрителей как людей, скорее неспособных воспринимать действительность. Отсюда следует объяснение популярности образа “фантастических миров”:

“Ибо хотя борьба сил Добра и Зла в фильмах Бекмамбетова (основанных на романах Сергея Лукьяненко) или подвиги ледяного братства в трилогии Сорокина жестоки и кровавы, изображенный в них мир изумительно упорядочен, а управляющие им правила ясны и нерушимы. В российскую популярную культуру это манихейское разделение на Свет и Тьму ввел Михаил Булгаков, и не без основания сериал, представляющий собой верную, почти дословную инсценировку „Мастера и Маргариты ”, стал одним из телевизионных хитов последних лет”.

Я переписываю эти слова – а стоит вспомнить, что в одном опросе несколько лет назад поляки признали роман “Мастер и Маргарита” лучшим романом XX века, – слегка веселясь, но и не без некоторого раздражения: такое прочтение Булгакова – это, пожалуй, мировой рекорд бездумности. Но это нужно автору, чтобы очертить позицию русского человека, безвольного и предающегося на волю невразумительной судьбы:

“А такая песчинка, раз от нее и так ничего не зависит, не должна от себя слишком многого требовать. Всё, что происходит в ее жизни, она может свалить на влияние внешних, враждебных, не до конца понятых сил”.

Дальше мы узнаём, что речь идет все-таки о “модернизированной булгаковщине”. Но есть и еще один покровитель – Достоевский. Тут Шубрихт приводит высказывание поклонницы российского кинематографа:

“Новое российское кино отражает перемены, которые произошли в России. Это не всегда светлые стороны действительности, – признаёт Карина Макаревич из Гданьского клуба любителей российского кино „Сталкер”. – После сеансов некоторые удивлены, что в России снимают такие фильмы”. И комментирует ее слова так: “Мрачное, реалистическое кино, которое избрало своим покровителем автора „Бесов”, бедно действием и диалогами, зато изобилует эмоциями”.

Но мало того – постепенно мы приближаемся к кульминации статьи, где сообщается, что хэппи-энда мы в российском кино не найдем, “ибо русские хэппи-энда не знают”:

“Если русская литература какое-то время назад сняла мундир, то кино как оружие массового поражения по-прежнему остается лакомым куском для воюющих за власть над умами политиков и их кланов. Поэтому в России снимают такие картины, как „72 метра” Владимира Хотиненко – повествование не столько о крушении подводной лодки, сколько об офицерской чести, которая повелевает мужественным морякам пренебречь перешедшим в руки Украины Черноморским флотом ради тяжелой службы за Полярным кругом. (...) Но даже „9 рота” или „Свои” Дмитрия Месхиева (...) хоть и не касаются политики непосредственно, а все-таки льют воду на мельницу путинской пропаганды. Они представляют собой не столько урок патриотизма, сколько прежде всего, пожалуй, голос за восстановление российской империи, проявление ностальгии по державе, у которой, может, и были недостатки, но, по крайней мере, каждый знал в ней свое место, а люди были друг к другу добрее... Впрочем, речь идет не только о пропаганде. Война ложится тенью на все российские фильмы, ибо Россия, собственно говоря, веками не перестает воевать – только фронты меняются (...). Пусть же нас не удивляет то, что на торжественном открытии I Фестиваля российского кино выступили обмундированные певцы из ансамбля Александрова. Это нужные люди в нужном месте”.

Большую статью “Возвращение российского кино” посвятил фестивалю и Тадеуш Соболевский в “Газете выборчей” (2007, №260):

“После многолетнего перерыва, когда российское кино практически нас не достигало, мы получили возможность посмотреть на эту кинематографию нормально, без предубеждений. Без ощущения превосходства или неполноценности. Без болезненного недоверия, из-за которого мы во всем, что приходит с востока, видим идеологическую или национальную угрозу. На советские фильмы у нас в разные

времена ходили по разным причинам. До войны интеллигентская молодежь проникала в советское посольство на Познанской улице на показы авангарда – Эйзенштейна, Вертова, Пудовкина. После войны положение резко изменилось: советское кино стали навязывать, а запретным плодом оказались картины, которые показывали в американском посольстве”.

Разумеется, Соболевский стремится воспринять через кино и то, чем живет Россия:

“Благодаря российскому кино на Россию сегодня можно посмотреть иначе – не через призму разделов Польши и пээнэровского полурабства, но глазами самих русских. Так, как предлагает Мария Янион в книге „Невероятный славянский мир”: увидеть не только чуждую Россию (дикую, империалистическую, отсталую, неевропейскую), но ту Россию, которая бывает чужда самим русским. (...) Из опыта насилия и опустошения вырастает вопрос о вере, упорно задаваемый в новых российских фильмах – у Сокурова, Звягинцева (в „Возвращении” и „Изгнании”), у Лунгина в „Острове”. Это нечто большее, нежели идеологическая конъюнктура. В финале фильма Балабанова „Груз 200”, действие которого происходит во время перестройки, преподаватель научного атеизма идет креститься. (...) Стилистический блеск „Груза 200” иногда напоминает фильмы братьев Коэнов – „Фарго” или „Нет места для старых людей”. Но Балабанов, черпая из американского кино, придает картине выразительность, согласующуюся с русскими традициями. Наказаны будут все. Как в „Бесах” Достоевского, вспышка зла вызовет проблеск надежды. Алексей Балабанов (1959 г.р.) – интригующая фигура с бурной биографией (...) Он использует язык американского популярного кино, чтобы лечить российский комплекс утраченной империи. (...) Он снял, в частности, кассовые хиты „Брат” и „Брат 2” (...); в стилистике гангстерского кино действия Балабанов выражал разочарование временами бесправия, когда ты сам должен творить свой суд, рассчитывая только на то самое „братство”, мужскую солидарность. Режиссер не считается с политкорректностью. „Евреев не люблю”, – признаётся мимоходом его герой. Представляясь фашистом, парень кричит: „Да здравствует СССР!” „Где твоя родина?” – спрашивает пришельца из Москвы русский таксист в Нью-Йорке. „Горбачев продал ее Америке! А теперь она проиграла две войны, просрала Крым, русских в Прибалтике покинула, сербов на Балканах тоже. Теперь родина там, где задница в тепле...””

Особое внимание Соболевского привлек фильм Дмитрия Месхиева “Свой”:

“Историческая картина? Месхиев затрагивает современную неясность: что такое патриотизм? Кто агрессор, а кто жертва? Кто свой, а кто чужой? Сообщество должно заново самоопределиться, сказать себе, чего оно собственно желает. Современное российское кино, как когда-то советское, ищет ответа на современный кризис ценностей, ищет свою „русскую идею”, одевая ее в удобные голливудские формы. Но чтобы понять, с каким наследием этому кино приходится вступать в поединок, с какого высокого коня падать, нужно сегодня посмотреть „Броненосец Потемкин” – пятиактную симфонию бунта черноморских матросов в 1905 году. Впечатление мощное, особенно в знаменитой сцене одесской лестницы. Всё, что Эйзенштейн запланировал как „пафос” и „экстаз”, продолжает воздействовать, хотя вместо непопулярного термина „пафос” мы сказали бы, что в этих кадрах есть энергия, которая „движет земной шар” и заставляет встать неподвижных каменных львов в знаменитой монтажной сцене. „Броненосец Потемкин” возвращается сегодня двояко. Находясь вне досягаемости ударов революционного мифа, мы тем резче можем увидеть, что энергия этого искусства, использованная потом идеологами, демагогами, пропагандистами и убийцами, имеет подлинные, личные, чистые корни. Об этом писал польский киновед Тадеуш Щепанский, автор монографии об Эйзенштейне. Эйзенштейн пошел за революцией, чтобы вырваться из постылой семейной среды, освободиться от тирании отца, символически убить его. Показывая освобождение угнетенного народа, он освобождал себя”.

А Лех Курпевский в статье “Русские возвращаются” (“Ньюсуик-Польша”, 2007, №45) пишет, комментируя кинофильм “Изгнание”:

“На первый взгляд, это киноповесть об обычной семье, с которой случилось несчастье. (...) Однако в более глубоком слое картина Звягинцева – это прежде всего волнующее размышление об одиночестве современного человека, о потере им этических и метафизических корней. Не без причины зрительный ряд картины несравненно прекрасен и вместе с тем печален, пуст. Он приводит на ум рай, из которого изгнали Бога. Метафизическая образность вообще, пожалуй, отличает сегодняшнее российское кино. (...) Но новое российское кино интересуется не только духовной жизнью своих героев. Бренное занимает кинематографистов не меньше. Отсюда идет

такое сильное течение бытового кино, не уходящего от трудных тем и бескомпромиссной вивисекции действительности. Это очень разные фильмы, но объединяет их одно: все они показывают российскую действительность без анестезии, что заставляет усомниться во влиянии цензуры государства. И еще одно: у всех этих фильмов двойное дно. Из-за каждодневной действительности их героев всегда выглядывают предназначение или рок. (...) Вдобавок современные российские кинематографисты более или менее завуалированно разыгрывают старые и новые национальные травмы. (...) Одними фильмами они лечат свои раны, другими их раздирают”.

И наконец:

“В России весьма хорошо обстоит дело с историческим кино. Нас, поляков, больше всего, конечно, интересует фильм „1612”, который только что вышел в российский прокат, ибо он в какой-то мере касается нашей истории. Режиссер Владимир Хотиненко при каждом удобном случае заверяет, что его произведение не носит антипольского характера”.

Однако оказалось, что можно воспринять картину так, как опасался режиссер. Гжегож Слюбовский пишет в еженедельнике “Впрост” (2007, №45) о продюсере фильма Никите Михалкове:

“Никита Михалков правит бал в российском кино ценой неустанных почестей Путину. В награду он получил от кремлевской администрации деньги на производство антипольской картины „1612””.

В самой статье фильму посвящены всего два предложения, зато язвительно описан Михалков, хотя автор и признаёт, что он “создатель замечательных кинофильмов”. Но все-таки:

“Согласно логике, которую представляет Михалков, каждый российский гражданин обязан всегда поддерживать власть – независимо от того, какие недостойные вещи она совершила. Причина одна: даже самый худший держиморда лучше демократа или либерала. Если эти последние придут к власти – Россия погибнет”.

Выходит, смотреть кино – это не просто смотреть. По-прежнему видно, какой разрушительной силой обладают закрепившиеся в сознании стереотипы. К счастью, как я старался показать, наряду с текстами, укорененными в этих стереотипах, появляются и те, что открыты к новым

явлениям, меняющим нашу точку зрения на Россию и ее граждан.